О

ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССІИ

ВЪ ЕЯ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ И ГРАЖДАНСКОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

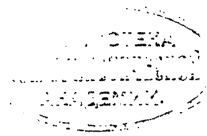
Нѣсть лъсти въ языцѣ моемъ.

СОЧИНЕНІЕ

КАРАМЗИНА.

(1811 ГОДА.)

БЕРЛИНЪ. 1861.
FERDINAND SCHNEIDER.
VICTORIA-STRASSE 11.

519
30

Настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго. Чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее; одно другимъ, такъ сказать, дополняется и въ связи представляется мыслямъ яснѣе. —

Отъ моря Каспійскаго до Балтійскаго, отъ Чернаго до Ледовитаго, за тысячу лѣтъ предъ симъ, жили народы кочевые, звѣроловные и земледѣльческіе, среди обширныхъ пустынь, извѣстныхъ Грекамъ и Римлянамъ болѣе по сказкамъ баснословія, нежели по вѣрнымъ описаніямъ очевидцевъ. Провидѣнію угодно было составить изъ сихъ разнородныхъ племенъ обширнѣйшее Государство въ мірѣ.

Римъ, нѣкогда сильный доблестію, ослабѣлъ въ нѣгѣ и палъ, сокрушенный мышцею варваровъ Сѣверныхъ. Началось новое твореніе, явились новые народы, новые нравы и Европа воспріяла новый образъ, до нынѣ ею сохраненный въ главныхъ

чертахъ ея бытія политическаго. Однимъ словомъ, на развалинахъ владычества Римскаго основалось въ Европѣ владычество народовъ Германскихъ.

Въ сію новую, общую систему вошла и Россія. Скандинавія, гнѣздо витязей безпокойныхъ — officina dentium, vagina nationum — дала нашему отечеству первыхъ Государей, добровольно принятыхъ Славянскими и Чудскими племенами, обитавшими на берегахъ Ильменя, Бѣла-озера и рѣки Великой. „Идите, — сказали имъ Чудь и Славяне, наскучивъ своими внутренними междоусобіями, — идите княжить и властвовать надъ нами. Земля наша обильна и велика, но порядка въ ней не видимъ.“ Сіе случилось въ 862 году, а въ концѣ X вѣка Европейская Россія была уже не менѣе нынѣшней, то есть, во сто лѣтъ, она достигла отъ колыбели до величія рѣдкаго. Въ 964 г., Россіяне какъ наемники Грековъ, сражались въ Сициліи съ Аравитянами, а послѣ въ окрестностяхъ Вавилона.

Что произвело феноменъ столь удивительный въ Исторіи? Пылкая, романическая страсть нашихъ первыхъ Князей къ завоеваніямъ, и единовластіе, ими основанное на развалинахъ множества слабыхъ, несогласныхъ державъ народныхъ, изъ коихъ составилась Россія. Рюрикъ, Олегъ, Святославъ, Владиміръ, не давали образумиться

гражданамъ въ быстромъ теченіи побѣдъ, въ непрестанномъ шумѣ воинскихъ становъ, платя имъ, славою и добычею за утрату прежней вольности бѣдной и мятежной.

Въ XI в. Государство Россійское могло, какъ бодрый, пылкій юноша, обѣщать себѣ долголѣтіе и славную дѣятельность. Монархи его въ твердой рукѣ своей держали судьбы милліоновъ, озаренные блескомъ побѣдъ, окруженные воинственною, благородною дружиною, казались народу полубогами, судили и рядили землю, мановеніемъ воздвигали рать, и движеніемъ перста указывали ей путь къ Воскору Сракійскому, или къ горамъ Карпатскимъ. Въ счастливомъ отдохновеніи мира, Государь пировалъ съ вельможами и народомъ, какъ отецъ среди семейства многочисленнаго. Пустыни украсились городами, города избранными жителями; свирѣпость дикихъ нравовъ смягчилась вѣрою Христіанскою; на берегахъ Днѣпра и Волхова явились искуства Византійскія. Ярославъ далъ народу свитокъ законовъ гражданскихъ, простыхъ и мудрыхъ, согласныхъ съ древними Нѣмецкими. Однимъ словомъ, Россія была не только обширнымъ, но въ сравненіи съ другими, и самымъ образованнымъ Государствомъ.

Къ несчастію, она въ сей бодрой юности не

предохранила себя отъ Государственной общей язвы тогдашняго времени, которую народы Германскіе сообщили Европѣ: говорю о системѣ удѣльной. Счастіе и характеръ Владиміра, счастіе и характеръ Ярослава, могли только отсрочить паденіе державы, основанной единовластіемъ на завоеваніяхъ. Россія раздѣлилась.

Вмѣстѣ съ причиною ея могущества, столь необходимаго для благоденствія, изчезло все могущество и благоденствіе народа. Открылось жалкое междоусобіе малодушныхъ Князей, которые, забывъ славу, пользу отечества, рѣзали другъ друга и губили народъ, что бы прибавить какой нибудь ничтожный городокъ къ своему удѣлу. Грецiя, Венгрія, Польша отдохнули: зрѣлище нашего внутренняго бѣдствія, служило имъ поручительствомъ въ ихъ безопасности; дотолѣ боялись Россіянъ, начали презирать ихъ. Тщетно нѣкоторые Князья, великодушные — Мономахъ, Василько — говорили именемъ отечества на торжественныхъ съѣздахъ; тщетно другіе — Боголюбскій, Всеволодъ III, — старались присвоить себѣ единовластіе: покушенія были слабы, не дружны, и Россія въ теченіи двухъ вѣковъ терзала собственныя нѣдра, пила слезы и кровь собственную.

Открылось и другое зло, не менѣе гибельное.

Народъ утратилъ почтеніе къ Князьямъ: Владѣтель Торопца или Гомеля могъ ли ему казаться столь важнымъ смертнымъ, какъ Монархъ всей Россіи? Народъ охладѣлъ въ усердіи къ Князьямъ, видя, что они для ничтожныхъ, личныхъ выгодъ, жертвуютъ его кровою, и равнодушно смотрѣлъ на паденіе ихъ троновъ, готовый всегда взять сторону счастливѣйшаго, или измѣнить ему вмѣстѣ съ счастіемъ; а Князья, уже не имѣя довѣренности, ни любви къ народу, старались только умножать свою дружину воинскую: позволили ей тѣснить мирныхъ жителей сельскихъ и купцовъ, сами обирали ихъ, чтобъ имѣть болѣе денегъ въ казнѣ на всякій случай, и сею политикою, утративъ нравственное достоинство Государей, — сдѣлались подобны — судіямъ-лихоимцамъ, или тиранамъ, а не законнымъ властителямъ. И такъ, съ ослабленіемъ государственнаго могущества, ослабѣла и внутренняя связь подданства съ властію.

Въ такихъ обстоятельствахъ удивительно ли, что варвары покорили наше отечество? Удивительнѣе, что оно еще столь долго могло умирать по частямъ, сохраняя въ сердцѣ видъ и дѣйствія жизни Государственной, или независимость, изъясняемую одною слабостію нашихъ сосѣдовъ. На степяхъ Донскихъ и Волжскихъ кочевали орды

Азіатскія, способныя только къ разбоямъ. Польша сама издыхала въ междоусобіяхъ, Короли Венгерскіе желали, но не могли никогда утвердить свое господство за горами Карпатскими, и Галиція, нѣсколько разъ отходивъ отъ Россіи, снова къ ней присоединилась. Орденъ меченосцевъ едва держался въ Ливоніи. Но когда воинственный народъ, обрадованный побѣдами Хана Монгольскаго, овладѣвъ Китаемъ, частію Сибири и Тибетомъ, устремился на Россію, она могла имѣть только славу великодушной гибели. Смѣлые, но безразсудные Князья наши, съ горстью людей, выходили въ поле умирать героями. Батый, предводительствуя милліономъ, топталъ ихъ трупы и въ нѣсколько мѣсяцевъ сокрушилъ Государство. Въ искусствѣ воинскомъ предки наши не уступали никакому народу, ибо четыре вѣка гремѣли оружіемъ внѣ и внутри отечества; но слабые раздѣленіемъ силъ, не согласные даже и въ общемъ бѣдствіи, удовольствовались вѣнцами мучениковъ, пріявъ ихъ въ неравныхъ битвахъ и въ защитѣ городовъ бренныхъ.

Земля Русская, упоенная кровію, усыпанная пепломъ, сдѣлалась жилищемъ рабовъ Ханскихъ, и Государи ея трепетали Баскаковъ. Сего недовольно. Въ окружностяхъ Двины и Нѣмана,

среди густыхъ лѣсовъ, жилъ народъ бѣдный, дикій и болѣе двухъ сотъ лѣтъ платилъ скудную дань Россіянамъ. — Утѣсняемый ими, также Прусскими и Ливонскими Нѣмцами, онъ выучился искуству воинскому и предводимый нѣкоторыми отважными витязями, въ стройномъ ополченіи выступилъ изъ лѣсовъ на театръ міра; не только возстановилъ свою независимость, но пріявъ образъ народа гражданскаго, основалъ державу сильную, захватилъ и лучшую половину Россіи, т. е. Сѣверная осталась данницею Монголовъ, а Южная вся отошла къ Литвѣ по самую Калугу и рѣку Угру. Владиміръ, Суздаль, Тверь назывались Улусами Ханскими; Кіевъ, Черниговъ, Мценскъ, Смоленскъ — городами Литовскими. Первые хранили по крайней мѣрѣ свои нравы, вторые заимствовали и самые обычаи чуждые. Казалось, что Россія погибла на вѣки. —

Сдѣлалось чудо. Городокъ, едва извѣстный до XIV вѣка, отъ презрѣнія къ его маловажности долго именуемый селомъ Кучковымъ, возвысилъ главу и спасъ отечество. Да будетъ честь и слава Москвѣ! Въ ея стѣнахъ родилась, созрѣла мысль возстановить единовластіе въ истерзанной Россіи, и хитрый Іоаннъ Калита, заслуживъ имя Собирателя земли Русской, есть первоначальникъ

ея славнаго воскресенія, безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ міра. Надлежало, что бы его преемники въ теченіи вѣка слѣдовали одной системѣ съ удивительнымъ постоянствомъ и твердостію, — системѣ наилучшей по всѣмъ обстоятельствамъ, и которая состояла въ томъ, чтобы употребить самихъ Хановъ въ орудіе нашей свободы. Снискавъ особенную милость Узбека, и вмѣстѣ съ нею достоинство Великаго Князя, Калита первый убѣдилъ Хана, не посылать собственныхъ чиновниковъ за данью въ города наши, а принимать ее въ Ордѣ отъ Бояръ Княжескихъ, ибо Татарскіе Вельможи, окруженные воинами, ѣздили въ Россію болѣе для наглыхъ грабительствъ, нежели для собиранія Ханской дани. Ни кто не смѣлъ встрѣтиться съ ними. Какъ скоро они являлись, земледѣльцы бѣжали отъ плуга, купцы отъ товаровъ, граждане отъ домовъ своихъ. Все ожило, когда сіи хищники перестали ужасать народъ своимъ присутствіемъ: села, города успокоились, торговля пробудилась, не только внутренняя, но и внѣшняя, народъ и казна обогатились, дань Ханская уже не тяготила ихъ. Вторымъ важнымъ замысломъ Калиты было присоединеніе частныхъ удѣловъ къ Великому Княжеству Усыпляемые ласками властителей Московскихъ, Ханы съ дѣтскою невинностію

дарили имъ цѣлыя области и подчиняли другихъ Князей Россійскихъ, до самаго того времени, какъ сила, воспитанная хитростію, довершила мечемъ дѣло нашего освобожденія.

Глубокомысленная политика Князей Московскихъ, не удовольствовалась собраніемъ частей въ цѣлое: надлежало еще связать ихъ твердо и единовластіе усилить самодержавіемъ. Славяне Россійскіе, признавъ Князей Варяжскихъ своими Государями, хотя отказались отъ правленія общенароднаго, но удерживали многія его обыкновенія. Во всѣхъ древнихъ городахъ нашихъ было такъ называемое вѣче, или совѣтъ народный; при случаяхъ важныхъ, во всѣхъ городахъ избирались Тысяцкіе или Полководцы не Княземъ, а народомъ. Сіи республиканскія учрежденія не мѣшали Олегу, Владиміру, Ярославу самодержавно повелѣвать Россіею: слава дѣлъ, великодушіе и многочисленность дружинъ воинскихъ, имъ преданныхъ, обуздывали народную буйность; когда же Государство раздѣлилось на многія области независимыя, тогда граждане, не уважая Князей слабыхъ, захотѣли пользоваться своимъ древнимъ правомъ Вѣча и верховнаго законодательства; иногда судили Князей и торжественно изгоняли въ Новгородѣ и другихъ мѣстахъ. Сей духъ вольности

господствовалъ въ Россіи до нашествія Батыева, и въ самыхъ ея бѣдствіяхъ не могъ вдругъ исчезнуть, но ослабѣлъ примѣтно. Такимъ образомъ Исторія наша представляетъ новое доказательство двухъ истинъ: 1) для твердаго самодержавія необходимо Государственное могущество; 2) рабство политическое несовмѣстно съ гражданскою вольностію. — Князья пресмыкались въ Ордѣ, но возвращаясь оттуда съ милостивымъ ярлыкомъ Ханскимъ, повелѣвали смѣлѣе нежели во дни нашей Государственной независимости. Народъ, смиренный игомъ варваровъ, думалъ только о спасеніи жизни и собственности, мало заботясь о своихъ правахъ гражданскихъ Симъ распоряженіемъ умовъ, сими обстоятельствами воспользовались Князья Московскіе и мало по малу, истребивъ всѣ остатки древней республиканской системы, основали истинное самодержавіе. Умолкъ вѣчевой колоколъ во всѣхъ городахъ Россіи. Димитрій Донской отнялъ власть у народа избирать тысяцкихъ, и вопреки своему рѣдкому человѣколюбію, первый уставилъ торжественную смертную казнь для государственныхъ преступниковъ, чтобы вселить ужасъ въ дерзкихъ мятежникахъ. Наконецъ, что началось при Іоаннѣ 1мъ или Калитѣ, то совершилось при Іоаннѣ III: столица Ханская на бе-

регу Ахтубы, гдѣ столько лѣтъ потомки Рюриковы преклоняли колѣна, изчезла на вѣки, сокрушенная местію Россіянъ. Новгородъ, Псковъ, Рязань, Тверь присоединились къ Москвѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми областями, прежде захваченными Литвою. Древнія Югозападныя княженія потомковъ Владиміровыхъ еще оставались въ рукахъ Польши, за то Россія, новая, возрожденная, во время Іоанна IV пріобрѣла три царства: Казанское, Астраханское и неизмѣримое Сибирское, до толѣ неизвѣстное Европѣ.

Сіе великое твореніе Князей Московскихъ, было произведено не личнымъ ихъ геройствомъ, ибо кромѣ Донскаго никто изъ нихъ не славился онымъ, но единственно умною политическою системою, согласною съ обстоятельствами времени. Россія основалась побѣдами и единоначаліемъ, гибла отъ разновластія, а спаслась мудрымъ самодержавіемъ.

Въ глубинѣ Сѣвера возвысивъ главу свою между Азіатскими и Европейскими царствами, она представляла въ своемъ гражданскомъ образѣ черты сихъ обѣихъ частей міра: смѣсь древнихъ восточныхъ нравовъ, принесенныхъ Славянами въ Европу и подновленныхъ, такъ сказать, нашею долговременною связью съ Монголами, — визан-

тійскихъ, заимствованныхъ Россіянами вмѣстѣ съ Христіанскою вѣрою, и нѣкоторыхъ Германскихъ, сообщенныхъ имъ Варягами. Сіи послѣднія черты, свойственныя народу мужественному, вольному, еще были замѣтны въ обыкновеніи судебныхъ поединковъ, въ утѣхахъ рыцарскихъ и въ духѣ мѣстничества, основаннаго на родовомъ славолюбіи. Заключеніе женскаго пола и строгое холопство оставались признакомъ древнихъ азіатскихъ обычаевъ. — Дворъ Царскій уподоблялся Византійскому. Іоаннъ III, зять одного изъ Палеологовъ, хотѣлъ какъ бы возстановить у насъ Грецію, соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ ея церковныхъ и придворныхъ: окружилъ себя Римскими орлами и принималъ иноземныхъ пословъ въ золотой палатѣ, которая напоминала Іустиніанову. Такая смѣсь въ нравахъ, произведенная случаями, обстоятельствами, казалась намъ природною и Россіяне любили оную, какъ свою народную собственность.

Хотя двувѣковое иго Ханское не благопріятствовало успѣхамъ гражданскимъ искуствъ и разума въ нашемъ отечествѣ, однакожъ Москва и Новгородъ пользовались важными открытіями тогдашнихъ временъ: бумага, порохъ, книгопечатаніе, сдѣлались у насъ извѣстны весьма скоро по ихъ

изобрѣтеніи. Библіотеки Царская и Митрополитская, наполненныя рукописями Греческими, могли быть предметомъ зависти для иныхъ Европейцевъ. Въ Италіи возродилось зодчество: Москва въ XV в. уже имѣла знаменитыхъ архитекторовъ, призванныхъ изъ Рима, великолѣпныя церкви и Грановитую палату; иконописцы, рѣщики, золотари обогащались въ нашей столицѣ. Законадательство молчало во время рабства. Іоаннъ III издалъ новые гражданскіе уставы, Іоаннъ IV полное уложеніе, коего главная отмѣна отъ Ярославовыхъ законовъ состоитъ въ введеніи торговой казни, неизвѣстной древнимъ независимымъ Россіянамъ. Сей же Іоаннъ IV устроилъ земское войско, какого у насъ дотолѣ не бывало: многочисленное, всегда готовое и раздѣленное на полки областные.

Европа устремила глаза на Россію: Государи, Папы, республики вступили съ нею въ дружескія сношенія, — одни для выгодъ купечества, иные въ надеждѣ обратить ея силы къ обузданію ужасной Турецкой Имперіи, Польши, Швеціи. Даже изъ самой глубины Индостана, съ береговъ Гангеса, въ XVI вѣкѣ пріѣзжали послы въ Москву и мысль, сдѣлать Россію путемъ Индѣйской торговли, была тогда общею. — Политическая система Государей Московскихъ заслуживала удивле-

нія своею мудростію, имѣя цѣлію одно благодѣнствіе народа, они воевали только по необходимости, всегда готовые къ миру, уклоняясь отъ всякаго участія въ дѣлахъ Европы, болѣе пріятнаго для суетности Монарховъ, нежели полезнаго для Государства, и возстановивъ Россію въ умѣренномъ, такъ сказать, величіи, не алкали завоеваній, невѣрныхъ или опасныхъ, желая сохранять, а не пріобрѣтать.

Внутри самодержавіе укоренилось. Ни кто, кромѣ Государя, не могъ ни судить, ни жаловать: всякая власть была изліяніемъ Монаршей. Жизнь, имѣніе, зависѣли отъ произвола Царей и знаменитѣйшее титло въ Россіи уже было не Княжеское, не Боярское, а титло слуги Царева. Народъ, избавленный Князьями отъ бѣдствій внутренняго междоусобія и внѣшняго ига, не жалѣлъ о своихъ древнихъ вѣчахъ и сановникахъ, которые умѣряли власть Государеву; довольный дѣйствіемъ, не спорилъ о правахъ. Одни Бояре, столь нѣкогда величавые въ удѣльныхъ господствахъ, роптали на строгость самодержавія, но бѣгство или казнь ихъ свидѣтельствовали твердость онаго. Наконецъ Царь сдѣлался для всѣхъ Россіянъ земнымъ Богомъ.

Тщетно Іоаннъ IV былъ до 35ти лѣтъ Государемъ добрымъ и по какому-то адскому вдохно-

венію возлюбилъ кровь, лилъ оную безъ вины и сѣкъ головы людей, славнѣйшихъ добродѣтелями. Бояре и народъ въ глубинѣ души своей, не дерзая что либо замыслить противъ вѣнценосца, только смиренно молили Господа, да смягчитъ ярость Цареву, сію казнь за грѣхи ихъ!

Кромѣ злодѣевъ, ознаменованныхъ въ Исторіи названіемъ, опричнины, всѣ люди знаменитые богатствомъ, или саномъ, ежедневно готовились къ смерти и не предпринимали ничего для спасенія жизни своей! Время и расположеніе умовъ достопамятное! Нигдѣ и никогда грознѣе самовластіе не предлагало столь жестокихъ искушеній для народной добродѣтели, для вѣрности или повиновенія; но сія добродѣтель даже не усумнилась въ выборѣ между гибелью и сопротивленіемъ.

Злодѣяніе, втайнѣ умышленное, не открытое Исторіею, пресѣкло родъ Іоанновъ: Годуновъ, татаринъ происхожденіемъ, Кромвель умомъ, воцарился со всѣми правами Монарха законнаго и съ тою же системою единовластія неприкосновеннаго. Сей несчастный, сраженный тѣнію убитаго имъ Царевича, среди великихъ усилій человѣческой мудрости и въ дѣяніи добродѣтелей наружныхъ, погибъ, какъ жертва властолюбія неумѣреннаго, беззаконнаго, въ примѣръ вѣкамъ и народамъ. Го-

дуновъ, тревожимый совѣстью, хотѣлъ заглушить ея священныя укоризны дѣйствіемъ кротости и смягчалъ самодержавіе въ рукахъ своихъ: кровь не лилась на лобномъ мѣстѣ, ссылка, заточеніе, невольное по стриженіе въ монахи, были единственнымъ наказаніемъ Бояръ, виновныхъ или подозрѣваемыхъ въ злыхъ умыслахъ. Но Годуновъ не имѣлъ выгоды быть любимымъ, ни уважаемымъ, какъ прежніе Монархи наслѣдственные. Бояре, нѣкогда стоявъ съ нимъ на одной ступени, ему завидовали, народъ помнилъ его слугою придворнымъ. Нравственное могущество Царское ослабѣло въ семъ избранномъ вѣнценосцѣ.

Не многіе изъ Государей требовали быть столь усердно привѣтствуемы народомъ, какъ Лжедимитрій въ день своего торжественнаго въѣзда въ Москву: расказы о его мнимомъ, чудесномъ спасеніи, память ужасныхъ естественныхъ бѣдъ Годунова времени, и надежда, что небо, возвративъ престолъ Владимірову потомству, возвратитъ благоденствіе Россіи, влекли сердца въ срѣтеніе юношѣ Монарху, любимцу счастія.

Но Лжедимитрій былъ тайный католикъ и нескромность его обнаружила сію тайну. Онъ имѣлъ нѣкоторыя достоинства и добродушіе, но голову романическую и на самомъ тронѣ харак-

теръ бродяги; любилъ иноземцовъ до пристрастія и не зная Исторіи своихъ мнимыхъ предковъ, вѣдалъ малѣйшія обстоятельства жизни Генриха IV, Короля Французскаго, имъ обожаемаго. Наши Монархическія учрежденія XV и XVI вѣка приняли другой образъ: малочисленная дума Боярская, служивъ прежде единственнымъ Царскимъ Совѣтомъ, обратилась въ шумный сонмъ ста правителей мірскихъ и духовныхъ, коимъ безпечный и лѣнивый Димитрій ввѣрилъ внутреннія дѣла Государственныя, оставляя для себя внѣшнюю политику; иногда являлся тамъ и спорилъ съ Боярами къ общему удивленію: ибо Россіяне дотолѣ не знали, какъ подданный могъ торжественно противорѣчить Монарху. Веселая обходительность его вообще преступила границы благоразумія и той величественной скромности, которая для Самодержавцевъ гораздо нужнѣе, нежели для монаховъ Картезіянскихъ. Сего мало. Димитрій явно презиралъ русскіе обычаи и вѣру: пировалъ, когда народъ постился; забавлялъ свою невѣсту пляскою скомороховъ къ монастырѣ Вознесенскомъ; хотѣлъ угощать Бояръ яствами гнусными для ихъ суевѣрія, окружилъ себя не только иноземною стражею, но и шайкою Іезуитовъ, говорилъ о соединеніи церквей и хвалилъ Латинскую. Россіяне

перестали уважать его, наконецъ возненавидѣли и согласясь, что истинный сынъ Іоанновъ не могъ бы попирать ногами святыни своихъ предковъ, возложили руку на Самозванца.

Сіе происшествіе имѣло ужасныя слѣдствія для Россіи; могло бы имѣть еще и гибельнѣйшія. Самовольныя управы народа бываютъ для гражданскихъ обществъ вреднѣе личныхъ несправедливостей или заблужденій Государя. Мудрость цѣлыхъ вѣковъ нужна для утвержденія власти: одинъ часъ народнаго изступленія разрушаетъ основу ея, которая есть уваженіе нравственное къ сану властителей. Москвитяне истерзали того, кому недавно присягали въ вѣрности: горе его преемнику и народу!

Отрасль древнихъ Князей Суздальскихъ и племени Мономахова, Василій Шуйскій, сродникъ Царя Бориса, осужденный на казнь и помилованный Лжедимитріемъ, свергнувъ неосторожно Самозванца, въ награду за то пріялъ окровавленный его скипетръ отъ Думы Боярской и торжественно измѣнилъ самодержавію, присягнувъ безъ ея согласія не казнить ни кого, не отнимать имѣній и не объявлять войны. Еще имѣя въ свѣжей памяти ужасныя изступленія Іоанновы, сыновья отцовъ, невинно убіенныхъ симъ Царемъ лютымъ,

предпочли свою безопасность Государственной и легкомысленно стѣснили дотолѣ неограниченную власть Монаршую, коей Россія была обязана своимъ спасеніемъ и величіемъ. Уступчивость Шуйскаго и самолюбіе Бояръ кажутся равнымъ преступленіемъ въ глазахъ потомства, ибо первый думалъ также болѣе о себѣ, нежели о Государствѣ, и плѣняясь мыслію быть Царемъ, хотя и съ ограниченными правами, дерзнулъ на явную для Царства опасность.

Случилось, чему необходимо надлежало случиться: Бояре видѣли въ полумонархѣ дѣло рукъ своихъ и хотѣли, такъ сказать, продолжать оное, болѣе и болѣе стѣсняя власть его. Поздно очнулся Шуйскій и тщетно хотѣлъ порывами великодушія утвердить колеблемость трона. Воскресли древнія смуты Боярскія и народъ волнуемый на площади наемниками нѣкоторыхъ коварныхъ вельможъ, толпами стремился ко дворцу Кремлевскому предписывать законы Государю. Шуйскій изъявлялъ твердость: „возмите вѣнецъ Мономаховъ, „возложенный вами на главу мою, или повинуй-„тесь мнѣ,“ говорилъ онъ Москвитянамъ! Народъ смирялся и вновь мятежничалъ, въ самое то время когда Самозванцы, прельщенные успѣхомъ перваго, одинъ за другимъ возставали на Москву. Шуйскій

палъ, сверженный не сими бродягами, а вельможами недостойными и палъ съ величіемъ, возсѣвъ на тронъ съ малодушіемъ. Въ мантіи инока, преданный злодѣями въ руки чужеземцамъ, онъ жалѣлъ болѣе о Россіи, нежели о коронѣ, съ истинною царскою гордостью отвѣтствовалъ на коварныя требованія Сигизмундовы, и внѣ отечества заключенный въ темницу, умеръ государственнымъ мученикомъ.

Недолго многоглавая гидра аристократіи владычествовала въ Россіи. Ни кто изъ Бояръ не имѣлъ рѣшительнаго перевѣса; спорили и мѣшали другъ другу въ дѣйствіяхъ власти. Увидѣли необходимость имѣть Царя, и боясь избрать единоземца, что бы родъ его не занялъ всѣхъ степеней трона, предложили вѣнецъ сыну нашего врага, Сигизмунда, который пользуясь мятежами Россіи, силился овладѣть ея западными странами. Но вмѣстѣ съ Царствомъ предложили ему условія: хотѣли обезпечить вѣру и власть Боярскую. Еще договоръ не совершился, когда Поляки, благопріятствуемые внутренними измѣнниками, вступили въ Москву и прежде времени начали тиранствовать именемъ Владислава. Шведы взяли Новгородъ. Самозванцы, козаки, свирѣпствовали

въ другихъ областяхъ нашихъ. Правительство рушилось, Государство погибло.

Исторія назвала Минина и Пожарскаго спасителями отечества: отдадимъ справедливость ихъ усердію, не менѣе и гражданамъ, которые въ сіе рѣшительное время дѣйствовали съ удивительнымъ единодушіемъ. Вѣра, любовь къ своимъ обычаямъ и ненависть къ чужеземной власти, произвели общее, славное возстаніе народа подъ знаменами нѣкоторыхъ вѣрныхъ отечеству Бояръ. Москва освободилась.

Но Россія не имѣла Царя и еще бѣдствовала отъ хищныхъ иноплеменниковъ; изъ всѣхъ городовъ съѣхались въ Москву избранные знаменитѣйшіе люди и въ храмѣ Успѣнія, вмѣстѣ съ пастырями Церкви и Боярами, рѣшили судьбу отечества. Никогда народъ не дѣйствовалъ торжественнѣе и свободнѣе, никогда не имѣлъ побужденій святѣйшихъ; всѣ хотѣли одного — цѣлости, блага Россіи, Не блистало вокругъ оружіе; не было ни угрозъ, ни подкупа, ни противорѣчій, ни сомнѣнія. Избрали юношу, почти отрока, удаленнаго отъ свѣта, почти силою извлеки его изъ объятій устрашенной матери-инокини и возвели на престолъ орошенный кровію Лжедимитрія и слезами Шуйскаго. Сей прекрасный, невинный юно-

ша казался агнцемъ и жертвою, трепеталъ и плакалъ. Не имѣя подлѣ себя ни единаго сильнаго родственника, чуждый Боярамъ верховнымъ, гордымъ, властолюбивымъ, онъ видѣлъ въ нихъ не подданныхъ, а будущихъ своихъ тирановъ, и къ счастію Россіи ошибся. Бѣдствія мятежной аристократіи просвѣтили гражданъ и самыхъ аристократовъ; тѣ и другіе, единогласно, единодушно наименовали Михаила Самодержцемъ, Монархомъ неограниченнымъ, тѣ и другіе, воспламененные любовію къ отечеству, взывали только: Богъ и Государь! Написали хартію и положили оную на престолъ. Сія грамота, внушенная мудростію опытовъ, утвержденная волею Бояръ и народа, есть священная изъ всѣхъ Государственныхъ хартій. Князья Московскіе учредили Самодержавіе, отечество даровало оное Романовымъ.

Самое личное избраніе Михаила доказывало искренное намѣреніе утвердить единовластіе. Древніе княжескіе роды безъ сомнѣнія имѣли гораздо болѣе права на корону, нежели сынъ племянника Іоанновой супруги, коего неизвѣстные предки, выѣхали изъ Пруссіи, но Царь, избранный изъ сихъ потомковъ Мономаховыхъ или Олеговыхъ, имѣя множество знатныхъ родственниковъ, легко могъ бы дать имъ власть аристократическую и

тѣмъ ослабить Самодержавіе. Предпочли юношу почти безроднаго, но сей юноша, свойственникъ Царскій, имѣлъ отца мудраго, крѣпкаго духомъ, непреклоннаго въ совѣтахъ, который долженствовалъ служить ему пѣстуномъ на тронѣ и внушать правила твердой власти. Такъ строгій характеръ Филарета, не смягченный принужденною монашескою жизнію, болѣе родства его съ Федоромъ Іоанновичемъ, способствовалъ къ избранію Михаила.

Исполнилось намѣреніе сихъ незабвенныхъ мужей, которые въ чистой рукѣ держали тогда урну судьбы нашей, обуздывая собственныя и чуждыя страсти. Дуга небеснаго міра возсіяла надъ тономъ Россійскомъ. Отечество подъ сѣнію Самодержавія успокоилось, извергнувъ чужеземныхъ хищниковъ изъ нѣдръ своихъ, возвеличилось изобрѣтеніями и вновь образовалось въ гражданскомъ порядкѣ, творя, обновляя и дѣлая только необходимое, согласное съ понятіями народными и ближайшее къ существующему. Дума Боярская осталась на древнемъ основаніи, т. е., совѣтомъ Царей во всѣхъ дѣлахъ важныхъ, политическихъ, гражданскихъ, казенныхъ. Прежде Монархъ рядилъ Государство чрезъ своихъ намѣстниковъ, или воеводъ, недовольные ими прибѣгали къ нему: онъ судилъ дѣло съ Боярами.

Сія восточная простота уже не отвѣтствовала государственному возрасту Россіи, и множество дѣлъ требовало болѣе посредниковъ между Царемъ и народомъ. Учредились въ Москвѣ приказы, которые вѣдали дѣла всѣхъ городовъ и судили намѣстниковъ. Но еще судъ не имѣлъ устава полнаго, ибо Іоанновъ оставлялъ много на совѣсть или произволъ судящаго. Увѣренный въ важности таковаго дѣла,— Царь Алексѣй Михайловичъ назначилъ для онаго мужей Думныхъ и повелѣлъ имъ вмѣстѣ съ выборными всѣхъ городовъ, всѣхъ состояній, исправить судебникъ, дополнить его законами греческими, намъ давно извѣстными, новѣйшими указами Царей и необходимыми прибавленіями на случаи, которые уже встрѣчались въ судахъ, но еще не рѣшены закономъ яснымъ. Россія получила Уложеніе, скрѣпленное Патріархомъ, всѣми значительными духовными, мірскими чиновниками и выборными городскими. Оно, послѣ хартіи Михаилова избранія, есть до нынѣ важнѣйшій Государственный завѣтъ нашего отечества.

Вообще царствованіе Романовыхъ, Михаила, Алексѣя, Ѳеодора, способствовало сближенію Россіянъ съ Европою, какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ нравахъ отъ частыхъ государственныхъ сношеній съ ея Дворами, отъ при-

нятія въ нашу службу многихъ иноземцовъ и поселенія другихъ въ Москвѣ. Еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ, но примѣръ начиналъ дѣйствовать и явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ старымъ навыкомъ, въ воинскихъ уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія, или участія, въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи: ибо нѣтъ сомнѣнія, что Европа отъ XIII до XIV вѣка далеко опередила насъ въ гражданскомъ просвѣщеніи. Сіе измѣненіе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія. Мы заимствовали, но какъ бы нехотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя со старымъ.

Явился Петръ. Въ его дѣтскія лѣта самовольство вельможъ, наглость стрѣльцовъ и властолюбіе Софіи, напоминали Россіи несчастныя времена смутъ Боярскихъ, но великій мужъ созрѣлъ уже въ юношѣ и мощною рукою схватилъ кормило Государства, онъ сквозь бурю и волны устремился къ своей цѣли: достигъ — и все перемѣнилось!

Сею цѣлію было не только новое величіе Россіи, но и совершенное, присвоеніе обычаевъ Европейскихъ... Потомство воздало усердную хвалу сему безсмертному Государю и личнымъ его до-

стоинствамъ и славнымъ подвигамъ. Онъ имѣлъ великодушіе, проницаніе, волю непоколебимую, дѣятельность, неутомимость рѣдкую: исправилъ, умножилъ войско, одержалъ блестящую побѣду надъ врагомъ искуснымъ и мужественнымъ; завоевалъ Ливонію, сотворилъ флотъ, основалъ гавани, издалъ многіе законы мудрые, привелъ въ лучшее состояніе торговлю, рудокопни, завелъ мануфактуры, училища, академію, наконецъ поставилъ Россію на знаменитую степень въ политической системѣ Европы. Говоря о превосходныхъ его дарованіяхъ, забудемъ ли почти важнѣйшее для Самодержавцевъ дарованіе: употреблять людей по ихъ способностямъ? Полководцы, министры, законодатели не родятся въ такое, или такое царствованіе, но единственно избираются, — чтобы избрать — надобно угадать; угадываютъ же людей только великіе люди — и слуги Петровы удивительнымъ образомъ помогали ему на ратномъ полѣ, въ Сенатѣ, въ Кабинетѣ. Но, мы Россіяне, имѣя предъ глазами свою Имперію, подтвердимъ ли мнѣніе несвѣдущихъ иноземцовъ и скажемъ ли, что Петръ есть тверецъ нашего величія Государственнаго?..... Забудемъ ли Князей Московскихъ: Іоанна I, Іоанна III, которые, можно сказать, изъ ничего воздвигли державу сильную,

и что не менѣе важно учредили твердое въ ней правленіе единовластное?..... Петръ нашелъ средства дѣлать великое! Князья Московскіе приготовляли оное. И славя славное въ семъ Монархѣ, оставимъ ли безъ замѣчанія вредную сторону его блестящаго царствованія?

Умолчимъ о порокахъ личныхъ, но сія страсть къ новымъ для насъ обычаямъ преступила въ немъ границы благоразумія. Петръ не хотѣлъ вникнуть въ истину, что духъ народный составляетъ нравственное могущество Государствъ, подобно физическому, нужное для ихъ твердости. Сей духъ и вѣра спасли Россію во время самозванцевъ; онъ есть ни что иное, какъ привязанность къ нашему особенному, ни что иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству. Искореняя древніе навыки, представляя ихъ смѣшными, глупыми, хваля, вводя иностранные, Государь Россіи унижалъ Россіянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ. Презрѣніе къ самому себѣ располагаетъ ли человѣка и гражданина къ великимъ дѣламъ? Любовь къ отечеству питается сими народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго. Просвѣщеніе достохвально, но въ чемъ состоитъ оно? Въ знаніи нужнаго для бла-

годенствія: художества, искуства, науки не имѣютъ иной цѣли. Русская одежда, пища, борода, не мѣшали заведенію школъ. Два Государства могутъ стоять на одной степени гражданскаго просвѣщенія, имѣя права различныя. Государство можетъ заимствовать отъ другаго полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы, есть насиліе беззаконное и для Монарха Самодержавнаго. Народъ въ первоначальномъ завѣтѣ съ Вѣнценосцами, сказалъ имъ: „Блюдите нашу безопасность внѣ и внутри, наказывайте злодѣевъ, жертвуйте частію для спасенія цѣлаго,“ но не сказалъ: „противуборствуйте нашимъ невиннымъ склонностямъ и вкусамъ въ домашней жизни.“ Въ семъ отношеніи Государь по справедливости можетъ дѣйствовать примѣромъ, а не указомъ.

Жизнь человѣческая кратка, а для утвержденія новыхъ обычаевъ требуется долговременность. Петръ ограничилъ свое преобразованіе дворянствомъ. Дотолѣ отъ сохи до престола Россіяне сходствовали между собою нѣкоторыми общими признаками наружности и въ обыкновеніяхъ: со временъ Петровыхъ высшія степени отдѣлились отъ нижнихъ и русскій земледѣлецъ, мѣщанинъ,

купецъ, увидѣлъ Нѣмцевъ въ русскихъ дворянахъ, ко вреду братскаго, народнаго единодушія Государственныхъ состояній.

Въ теченіи вѣковъ народъ обыкъ чтить Бояръ, какъ мужей ознаменованныхъ величіемъ: поклонялся имъ съ истиннымъ уничиженіемъ, когда они съ своими благородными дружинами, съ азіатскою пышностію, при звукѣ бубновъ являлись на стогнахъ, шествуя въ храмъ Божій, или на совѣтъ къ Государю. Петръ уничтожилъ достоинство Бояръ: ему надобны были Министры, Канцлеры, Президенты! Вмѣсто древней славной Думы явился Сенатъ, вмѣсто приказовъ — Коллегіи, вмѣсто Дьяковъ — Секретари и проч. Та же безсмысленная для Россіянъ перемѣна въ воинскомъ чиноначаліи: Генералы, Капитаны, Лейтенанты изгнали изъ нашей рати Воеводъ, Сотниковъ, Пятидесятниковъ и проч. Честію и достоинствомъ Россіянъ сдѣлалось подражаніе.

Семейственные нравы не укрылись отъ вліянія Царской дѣятельности. Вельможи стали жить открытымъ домомъ, ихъ супруги и дочери вышли изъ непроницаемыхъ теремовъ своихъ; балы, ужины соединили одинъ полъ съ другимъ въ шумныхъ залахъ; Россіянки перестали краснѣть отъ нескромнаго взора мущинъ и европейская воль-

ность заступила мѣсто азіатскаго принужденія: Чѣмъ болѣе мы успѣвали въ людскости, въ обходительности, тѣмъ болѣе слабѣли связи родственныя; имѣя множество пріятелей, чувствуемъ менѣе нужды въ друзьяхъ и жертвуемъ свѣту союзомъ единокровія. —

Не говорю и не думаю, чтобы древніе Россіяне подъ Великокняжескимъ, или Царскимъ правленіемъ были вообще лучше насъ. Не только въ свѣдѣніяхъ, но и въ нѣкоторыхъ нравственныхъ отношеніяхъ, мы превосходнѣе, т. е. иногда стыдимся, чего они не стыдились и что дѣйствительно порочно; однакожъ должно согласиться, что мы съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ, утратили гражданскія. Имя Русскаго имѣетъ — ли теперь для насъ ту силу неисповѣдимую, какую оно имѣло прежде? И весьма естественно: дѣды наши, уже въ царствованіе Михаила и сына его присвоивая себѣ многія выгоды иноземныхъ обычаевъ, все еще оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный Россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а Святая Русь — первое Государство. Пусть назовутъ то заблужденіемъ; но какъ оно благопріятствовало любви къ отечеству и нравственной силѣ его! Теперь же, болѣе ста лѣтъ находясь въ школѣ иноземцовъ, безъ

дерзости можемъ ли похвалиться своимъ гражданскимъ достоинствомъ? Нѣкогда называли мы всѣхъ иныхъ Европейцовъ невѣрными, теперь называемъ братьями; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россію — невѣрнымъ или братьямъ? т. е. кому бы она, по вѣроятности, долженствовала болѣе противиться? При Царѣ Михаилѣ, или Ѳеодорѣ, вельможа Россійскій, обязанный всѣмъ отечеству, могъ ли бы съ веселымъ сердцемъ на вѣкъ оставить его, что бы въ Парижѣ, въ Лондонѣ, Вѣнѣ спокойно читать въ газетахъ о нашихъ государственныхъ опасностяхъ? Мы стали гражданами міра, но перестали быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гражданами Россіи. Виною Петръ.

Онъ великъ, — безъ сомнѣнія, но, еще могъ бы возвеличиться гораздо болѣе, когда бы нашелъ способъ просвѣтить умъ Россіянъ безъ вреда для ихъ гражданскихъ добродѣтелей. Къ несчастію сей Государь, худо воспитанный, окруженный людьми молодыми, узналъ и полюбилъ Женевца Лефорта, который отъ бѣдности заѣхалъ въ Москву и весьма естественно, находя русскіе обычаи для него странными, говорилъ ему объ нихъ съ презрѣніемъ, а все Европейское возвышалъ до небесъ. Вольныя общества Нѣмецкой свободы, пріятныя для необузданной молодости доверишли Ле-

фортово дѣло, и пылкій Монархъ съ разгоряченнымъ воображеніемъ, увидѣвъ Европу, захотѣлъ сдѣлать Россію — Голландіею.

Еще народныя склонности, привычки, мысли имѣли столь великую силу, что Петръ любя въ воображеніи нѣкоторую свободу ума человѣческаго, долженствовалъ прибѣгнуть ко всѣмъ ужасамъ самовластія, для обузданія своихъ, впрочемъ столь вѣрныхъ подданныхъ. Тайная Канцелярія день и ночь работала въ Преображенскомъ: пытки и казни служили средствомъ нашего славнаго преобразованія Государственнаго. Многіе гибли за одну часть русскихъ кафтановъ и бороды, ибо не хотѣли оставить ихъ и дерзали порицать Монарха. Симъ бѣднымъ людямъ казалось, что онъ вмѣстѣ съ древними привычками, отнимаетъ у нихъ самое отечество.

Въ необыкновенныхъ усиліяхъ Петровыхъ видимъ всю твердость его характера и власти самодержавной. Ни что не казалось ему страшнымъ. Церковь Россійская искони имѣла главу сперва въ Митрополитѣ, наконецъ въ Патріархѣ. Петръ объявилъ себя Главою церкви, уничтоживъ Патріаршество, какъ опасное для самодержавія неограниченнаго. Но замѣтимъ, что наше духовенство никогда не противоборствовало мірской вла-

сти, ни Княжеской, ни Царской: служило ей полезнымъ орудіемъ въ дѣлахъ Государственныхъ и совѣстію въ ея случайныхъ уклоненіяхъ отъ добродѣтели. Первосвятители имѣли у насъ одно право, — вѣщать истину Государямъ, не дѣйствовать, не мятежничать; право благословенное не только для народа, но и для Монарха, коего счастіе состоитъ въ справедливости. Со временъ Петровыхъ упало духовенство въ Россіи. Первосвятители наши уже только были угодниками Царей и на каѳедрахъ языкомъ библейскимъ произносили имъ слова похвальныя. Для похвалъ мы имѣемъ стихотворцевъ и придворныхъ; главная обязанность духовенства есть учить народъ добродѣтели, а что бы сіи наставленія были тѣмъ дѣйствительнѣе, надобно уважать оное. Если Государь предсѣдательствуетъ тамъ, гдѣ засѣдаютъ главные сановники церкви; если онъ судитъ ихъ или награждаетъ мірскими почестями и выгодами, то церковь подчиняется мірской власти и теряетъ свой характеръ священный, усердіе къ ней слабѣетъ, а съ нимъ и вѣра, а съ ослабленіемъ вѣры Государь лишается способа владѣть сердцами народа въ случаяхъ чрезвычайныхъ, гдѣ нужно все забыть, все оставить для отечества и гдѣ пастырь душъ можетъ обѣщать въ награду одинъ вѣнецъ

мученическій. Власть духовная должна имѣть особенный кругъ дѣйствія внѣ гражданской власти, но дѣйствовать въ тѣсномъ союзѣ съ нею. Говорю о законѣ, о правѣ. Умный Монархъ въ дѣлахъ государственной пользы, всегда найдетъ способъ согласить волю Митрополита или Патріарха съ волею верховною; но лучше, если сіе согласіе имѣетъ видъ свободы и внутренняго убѣжденія, а не всеподданнической покорности. Явная, совершенная зависимость духовной власти отъ гражданской предполагаетъ мнѣніе, что первая безполезна, или по крайней мѣрѣ не есть необходимость государственной твердости. Примѣръ древней Россіи и нынѣшней Исторіи доказываютъ совсѣмъ иное.

Утаимъ ли отъ себя еще одну блестящую ошибку Петра Великаго? Разумѣю основаніе новой столицы на сѣверномъ краѣ Государства, среди зыбей болотныхъ, въ мѣстахъ, осужденныхъ природою на безплодіе и недостатокъ. Еще не имѣя ни Риги, ни Ревеля, онъ могъ заложить на берегахъ Невы купеческій городъ для ввоза и вывоза товаровъ; но мысль утвердить тамъ пребываніе нашихъ Государей, была, есть и будетъ вредною. Сколько людей погибло, сколько милліоновъ и трудовъ употреблено для приведенія

въ дѣйство сего намѣренія? Можно сказать, что Петербургъ основанъ на слезахъ и трупахъ. Иноземный путешественникъ, въѣзжая въ Государство, ищетъ столицы обыкновенно среди мѣстъ плодоноснѣйшихъ, благопріятнѣйшихъ для жизни и здравія; въ Россіи онъ видитъ прекрасныя равнины, обогащенныя всѣми дарами природы, осѣненныя липовыми, дубовыми рощами, пересѣкаемыя рѣками судоходными, коихъ берега живописны для зрѣнія, и гдѣ въ климатѣ умѣренномъ, благорастворенный воздухъ способствуетъ долголѣтію, видитъ и, съ сожалѣніемъ оставляя сіи прекрасныя страны за собою, въѣзжаетъ въ пески, въ болота, въ песчаные лѣса сосновые, гдѣ царствуетъ бѣдность, уныніе, болѣзни; тамъ обитаютъ Государи Россійскіе, съ величайшимъ усиліемъ домогаясь, что бы ихъ царедворцы и стража, не умирали голодомъ и что бы ежегодная убыль въ жителяхъ наполнялась новыми пришельцами, новыми жертвами преждевременной смерти! Человѣкъ не одолѣетъ натуры!

Но Великій мужъ, самыми ошибками доказываетъ свое величіе: ихъ трудно или невозможно изгладить; какъ хорошее, такъ и худое онъ дѣлаетъ на вѣки. Сильною рукою дано новое движеніе Россіи; мы уже не возвратимся къ ста-

ринѣ!.... Второй Петръ Великій могъ бы только въ 20 или 30 лѣтъ утвердить новый порядокъ вещей гораздо основательнѣе, нежели всѣ наслѣдники Перваго до самой Екатерины II. Не смотря на его чудесную дѣятельность, онъ многое оставилъ исполнить преемникамъ, но Меньщиковъ думалъ единственно о пользѣ своего личнаго властолюбія; такъ и Долгорукіе. Меньщиковъ замышлялъ открыть сыну своему путь къ трону; Долгорукіе и Голицыны хотѣли видѣть на престолѣ слабую тѣнь Монарха и господствовать именемъ Верховнаго Совѣта. Замыслы дерзкіе и малодушные! Пигмеи спорили о наслѣдіи великана. Аристократія, олигархія губили отечество, и въ то время, когда оно измѣнило нравы, утвержденные вѣками, потрясенные внутри новыми, важными перемѣнами, которыя удалили въ обычаяхъ дворянство отъ народа, ослабили власть духовную, могла ли Россія обойтись безъ Государя? Самодержавіе сдѣлалось необходимѣе прежняго для охраненія порядка и дочь Іоаннова, бывъ нѣсколько дней въ зависимости восьми аристократовъ, воспріяла отъ народа, дворянъ и духовенства власть неограниченную. Сія Государыня хотѣла правительствовать согласно съ мыслями Петра Великаго и спѣшила исправить многія упущенія, сдѣ-

ланныя съ его времени. Преобразованная Россія казалась тогда величественнымъ недостроеннымъ зданіемъ, уже ознаменованнымъ нѣкоторыми примѣтами близкаго разрушенія: часть судебная, воинская, внѣшняя политика находились въ упадкѣ. Остерманъ и Минихъ, одушевленные честолюбіемъ заслужить имя великихъ мужей въ ихъ второмъ отечествѣ, дѣйствовали неутомимо и съ успѣхомъ блестящимъ; первый возвратилъ Россіи ея знаменитость въ Государственной системѣ Европейской, — цѣль усилій Петровыхъ; Минихъ исправилъ, оживилъ воинскія учрежденія и давалъ намъ побѣды. Къ совершенной славѣ Аннина царствованія не доставало третьяго мудраго дѣйствователя для законодательства и внутренняго гражданскаго образованія Россіянъ. Но злосчатная привязанность Анны къ любимцу бездушному, низкому, омрачила и жизнь и память ея въ Исторіи. Воскресла Тайная Канцелярія Преображенская съ пытками; въ ея вертепахъ и на площадяхъ градскихъ лились рѣки крови. И кого терзали? Враговъ ли Государыни? — Ни кто изъ нихъ и мысленно не хотѣлъ ей зла; самые Долгорукіе виновны были только предъ отечествомъ, которое примирилось съ ними ихъ несчастіемъ. Биронъ, недостойный власти, думалъ утвердить ее

въ рукахъ своихъ ужасами: самое легкое подозрѣніе, двусмысленное слово, даже молчаніе казалось ему иногда достаточною виною для казни, или ссылки. Онъ безъ сомнѣнія имѣлъ непріятелей: добрые Россіяне могли ли видѣть равнодушно Курляндскаго шляхтича почти на тронѣ? Но сіи Бироновы непріятели были истинными друзьями престола и Анны. Они гибли; враги наушника Бирона гибли; а статный конь, ему подаренный, давалъ право ждать милостей Царскихъ.

Въ слѣдствіе двухъ заговоровъ, злобный Бирон и добродушная Правительница утратили власть и свободу. Лекарь Французъ и нѣсколько пьяныхъ гренадеровъ возвели дочь Петрову на престолъ величайшей Имперіи въ мірѣ, съ восклицаніемъ: гибель иноземцамъ! честь Россіянамъ! Первыя времена сего царствованія ознаменовались нахальствомъ Лейбъ-Компаніи, возложеніемъ голубой ленты на малороссійскаго пѣвчаго и бѣдствіемъ нашихъ государственныхъ благодѣтелей, Остермана и Миниха, которые никогда не были такъ велики, какъ стоя подъ эшафотомъ и желая счастія Россіи и Елисаветѣ. Вина ихъ состояла въ усердіи къ Императрицѣ Аннѣ и въ мнѣніи, что Елисавета, праздная, сластолюбивая, не могла хорошо управлять Государствомъ. Не смотря на то Рос-

сіяне хвалили ея царствованіе: она изъявляла къ нимъ болѣе довѣренности, нежели къ Нѣмцамъ; возстановила власть Сената, отмѣнила смертную казнь, имѣла любовниковъ добродушныхъ, страсть къ веселью и нѣжнымъ стихамъ. Вопреки своему человѣколюбію, Елисавета вмѣшалась въ войну кровопролитную и для насъ безполезную. Первымъ государственнымъ человѣкомъ сего времени былъ Канцлеръ Бестужевъ, умный и дѣятельный, но корыстолюбивый и пристрастный. Усыпленная нѣгою, Монархиня давала ему волю торговать политикою и силами Государства; наконецъ свергнула его и сдѣлала новую ошибку, торжественно объявивъ народу, что сей Министръ, душа почти всего ея царствованія, есть гнуснѣйшій изъ смертныхъ! Счастіе, благопріятствуя мягкосердой Елисаветѣ въ ея правленіе, спасло Россію отъ тѣхъ чрезвычайныхъ золъ, коихъ не можетъ отвратить никакая мудрость человѣческая, но счастіе не могло спасти Государства отъ алчнаго корыстолюбія П. И. Шувалова. Ужасныя монополіи сего времени долго жили въ памяти народа, утѣсняемаго для выгоды частныхъ людей и ко вреду самой казны. Многія изъ заведеній Петра Великаго пришли въ упадокъ отъ небреженія, и вообще царствованіе Елисаветы не прославилось

никакими блестящими дѣяніями ума государственнаго. Нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ болѣе стойкостію воиновъ, нежели дарованіями военоначальниковъ, Московскій университетъ и оды Ломоносова остаются красивѣйшими памятниками сего времени. Какъ при Аннѣ, такъ и при Елисаветѣ, Россія текла путемъ, предписаннымъ ей рукою Петра, болѣе и болѣе удаляясь отъ своихъ древнихъ нравовъ и сообразуясь съ европейскими. Замѣчались успѣхи европейскаго вкуса. Уже дворъ нашъ блисталъ великолѣпіемъ и нѣсколько лѣтъ говоривъ по Нѣмецки, началъ употреблять языкъ Французскій. Въ одеждѣ, въ экипажахъ, въ услугѣ, вельможи наши мѣрялись съ Парижемъ, Лондономъ, Вѣною. Но грозы самодержавія еще пугали воображеніе людей: осматривались произнося имя самой кроткой Елисаветы или министра сильнаго; еще пытки и тайная Канцелярія существовали.

Новый заговоръ и несчастный Петръ III въ могилѣ съ своими жалкими пороками..... Екатерина II была истинною преемницею величія Петрова и второю образовательницею новой Россіи. Главное дѣло сей незабвенной Монархини состоитъ въ томъ, что ею смягчилось самодержавіе, не утративъ силы своей. Она ласкала такъ называемыхъ

философофъ въ XVIII вѣка и плѣнялась характеромъ древнихъ республиканцевъ, но хотѣла повелѣвать какъ земной богъ — и повелѣвала. Петръ, насильствуя обычаи народные, имѣлъ нужду въ средствахъ жестокихъ; Екатерина могла обойтись безъ нихъ, къ удовольствію своего нѣжнаго сердца, ибо не требовала отъ Россіянъ ничего противнаго ихъ совѣсти и гражданскимъ навыкамъ, стараясь единственно возвеличить данное ей небомъ отечество, или славу свою побѣдами, законодательствомъ, просвѣщеніемъ. Ея душа, гордая, благородная боялась унизиться робкимъ подозрѣніемъ, и страхи Тайной Канцеляріи исчезли, съ ними вмѣстѣ исчезъ у насъ и духъ рабства, по крайней мѣрѣ въ высшихъ гражданскихъ состояніяхъ. Мы пріучились судить, хвалить въ дѣлахъ Государя только похвальное, осуждать противное. Екатерина слышала, иногда сражалась съ собою, но побѣждала желаніе мести: добродѣтель превосходная въ Монархѣ! Увѣренная въ своемъ величіи, твердая, непреклонная въ намѣреніяхъ, объявленныхъ ею, будучи единственною душею всѣхъ государственныхъ движеній въ Россіи, не выпуская власти изъ собственныхъ рукъ — безъ казни, безъ пытокъ, вліявъ въ сердца министровъ, полководцевъ, всѣхъ государственныхъ чиновниковъ живѣйшій

страхъ сдѣлаться ей неугоднымъ и пламенное усердіе заслужить ея милость, Екатерина могла презирать легкомысленное условіе, а гдѣ искренность говорила правду, тамъ Монархиня думала: „я властна требовать молчанія отъ Россіянъ-современниковъ, но что скажетъ потомство? и мысль, страхомъ заключенная въ сердцѣ, менѣе ли слова будетъ для меня оскорбительна?“ Сей образъ мыслей, доказанный дѣлами 34хъ лѣтняго владычества, отличаетъ ея царствованіе отъ всѣхъ прежнихъ въ новой Россійской Исторіи, т. е. Екатерина очистила самодержавіе отъ примѣсовъ тиранства. Слѣдствіемъ были спокойствіе сердецъ, успѣхи пріятностей свѣтскихъ, знаній разума.

Возвысивъ нравственную цѣну человѣка въ самой державѣ, она пересмотрѣла всѣ внутреннія части нашего зданія Государственнаго и не оставила ни единой безъ поправленія: Уставы Сената, Губернскій, судебные, хозяйственные, военные, торговые усовершенствовались ею. Внѣшняя политика сего царствованія достойна особенной хвалы. — Россія съ честію и славою занимала одно изъ первыхъ мѣстъ государственной Европейской системы. Воинствуя мы разили. Петръ удивилъ Европу своими побѣдами, Екатерина пріучила ее къ нашимъ побѣдамъ. Россіяне уже думали, что

ни что въ мірѣ не можетъ одолѣть ихъ; заблужденіе славное для сей Великой Монархини! Она была женщина, но умѣла избирать вождей также какъ министровъ или правителей Государственныхъ. Румянцовъ, Суворовъ стали на ряду съ знаменитѣйшими полководцами въ мірѣ; Князь Вяземскій заслужилъ имя достойнаго Министра, благоразумнаго государственною экономіею, храненіемъ порядка и цѣлости. Упрекнемъ ли Екатерину излишнимъ воинскимъ славолюбіемъ? Ея побѣды утвердили внѣшнюю безопасность Государства. Пусть иноземцы осуждаютъ раздѣлъ Польши: мы взяли свое. Правиломъ Монархини было не мѣшаться въ войны чуждыя и безполезныя для Россіи, но питать духъ ратный въ Имперіи, рожденной побѣдами.

Слабый Петръ III, желая угодить дворянству, далъ ему свободу служить или не служить. Умная Екатерина, не отмѣнивъ сего закона, отвратила его вредныя для Государства слѣдствія; любовь къ Святой Руси, охлажденную въ насъ перемѣнами Великаго Петра, Монархиня хотѣла замѣнить гражданскимъ честолюбіемъ; для того соединила съ чинами новыя прелести, или выгоды, вымышляя знаки отличій и старалась поддерживать ихъ цѣну достоинствомъ людей, украшаемыхъ оны-

ми. Крестъ Св. Георгія не раждалъ, однакожъ усиливалъ храбрость. Многіе служили, чтобы не лишиться мѣста и голоса въ дворянскихъ Собраніяхъ, многіе, не смотря на успѣхи роскоши, любили чины и ленты гораздо болѣе корысти. Симъ утвердилась нужная зависимость дворянства отъ Трона.

Но согласимся, что блестящее царствованіе Екатерины представляетъ взору наблюдателя и нѣкоторыя пятна. Нравы болѣе развратились въ палатахъ и хижинахъ: тамъ отъ примѣровъ Двора любострастнаго, здѣсь отъ выгоднаго для казны умноженія питейныхъ домовъ. Примѣръ Анны и Елисаветы извиняетъ ли Екатерину? Богатства государственныя принадлежатъ ли тому, кто имѣетъ единственно лицо красивое. Слабость тайная, есть только слабость; явная — порокъ, ибо соблазняетъ другихъ. Самое достоинство Государя терпитъ, когда онъ нарушаетъ уставъ благонравія; какъ люди ни развратны, но внутренно не могутъ уважать развратныхъ. Требуется ли доказательствъ, что истинное почтеніе къ добродѣтелямъ Монарха утверждаетъ власть его? Горестно, но должно признаться, что хваля усердно Екатерину за превосходныя качества души, невольно вспоминаемъ ея слабости и краснѣемъ за

человѣчество. Замѣтимъ еще, что правосудіе не цвѣло въ сіе время; вельможа, чувствуя несправедливость свою въ тяжбѣ съ дворяниномъ, переносилъ дѣло въ кабинетъ; тамъ засыпало оно и не пробуждалось. Въ самыхъ Государственныхъ учрежденіяхъ Екатерины видимъ болѣе блеска, нежели основательности: избиралось не лучшее по состоянію вещей, но красивѣйшее по формамъ. Таково было новое учрежденіе Губерній; — изящное на бумагѣ, но худо примѣненное къ обстоятельствамъ Россіи. Солонъ говорилъ: „Мои законы несовершенные, но лучшія для Аѳинянъ.“ Екатерина хотѣла умозрительнаго совершенства въ законахъ, не думая о легчайшемъ полезнѣйшемъ дѣйствіи оныхъ; дала намъ суды, необразовавъ судей; дала правила безъ средствъ исполненія. Многія вредныя слѣдствія Петровой системы также яснѣе открылись при сей Государынѣ: чужеземцы овладѣли у насъ воспитаніемъ; Дворъ забылъ языкъ русскій; отъ излишнихъ успѣховъ европейской роскоши, дворянство одолжало; дѣла безчестныя, внушаемыя корыстолюбіемъ для удовлетворенія прихотямъ, стали обыкновеннѣе; сыновья бояръ нашихъ разсыпались по чужимъ землямъ тратить деньги и время для пріобрѣтенія Французской или Англійской наруж-

ности. У насъ были академіи, высшія училища, народныя школы, умные министры, пріятные свѣтскіе люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флотъ и великая Монархиня; не было хорошаго воспитанія, твердыхъ правилъ и нравственности въ гражданской жизни. Любимецъ вельможи, рожденный бѣднымъ, не стыдился жить пышно. Вельможа не стыдился быть развратнымъ, торговали правдою и чинами. Екатерина — великій мужъ въ главныхъ собраніяхъ Государственныхъ — являлась женщиною въ подробностяхъ Монаршей дѣятельности, дремала на розахъ, была обманываема; не видала, или не хотѣла видѣть многихъ злоупотребленій, считая ихъ, множетъ быть, неизбѣжными, и довольствуясь общимъ, успѣшнымъ, славнымъ теченіемъ ея царствованія. По крайней мѣрѣ сравнивая всѣ извѣстныя намъ времена Россіи, едва-ли не всякій изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было счастливѣйшее для гражданина Россійскаго; едва ли не всякій изъ насъ пожелалъ жить тогда, а не въ иное время.

Слѣдствія кончины ея заградили уста строгимъ судіямъ сей великой Монархини, ибо особенно въ послѣдніе годы ея жизни, дѣйствительно слабѣйшіе въ правилахъ и исполненіи, мы болѣе осуждали, нежели хвалили Екатерину, отъ при-

вычки къ добру, уже не чувствуя всей цѣны онаго и тѣмъ сильнѣе чувствуя противное, доброе казалось намъ естественнымъ, необходимымъ слѣдствіемъ порядка вещей, а не личной Екатерининой мудрости, худое же ея собственною виною. Павелъ восшелъ на престолъ въ то благопріятное время для самодержавія, когда ужасы Французской революціи излечили Европу отъ мечтаній гражданской вольности и равенства, но что сдѣлали Якобинцы въ отношеніи къ республикамъ, то Павелъ сдѣлалъ въ отношеніи къ самодержавію: заставилъ ненавидѣть злоупотребленія онаго. По жалкому заблужденію ума и въ слѣдствіе многихъ личныхъ претерпѣнныхъ имъ неудовольствій, онъ хотѣлъ быть Іоанномъ IV, но Россіяне уже имѣли Екатерину II, знали, что Государь не менѣе подданныхъ долженъ исполнять свои святыя обязанности, коихъ нарушеніе уничтожаетъ древній завѣтъ власти съ повиновеніемъ и низвергаетъ народъ съ степени гражданственности въ хаосъ частнаго естественнаго права. Сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслужить благодарность Отечества; къ неизъяснимому изумленію Россіянъ, онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти; считалъ насъ не подданными,

а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ, отнялъ стыдъ у казни, у награды — прелесть; унизилъ чины и ленты расточительностію въ оныхъ; легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя въ нихъ дѣло своей матери, умертвилъ въ полкахъ нашихъ благородный духъ воинскій, воспитанный Екатериною и замѣнилъ его духомъ капральства. Героевъ, пріученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршировать, отвратилъ дворянство отъ воинской службы; презиралъ душу, уважалъ шляпы и воротники; имѣя, какъ человѣкъ, природную склонность къ благотворенію, питался желчью зла; ежедневно вымышлялъ способы устрашать людей и самъ всѣхъ болѣе страшился; думалъ соорудить себѣ неприступный дворецъ, соорудилъ гробницу! Замѣтимъ черту, любопытную для наблюдателя: въ сіе царствованіе ужаса, по мнѣнію иноземцевъ, Россіяне боялись даже и мыслить: нѣтъ, говорили и смѣло, умолкали единственно отъ скуки частаго повторенія, вѣрили другъ другу и не обманывались. Какой-то духъ искренняго братства господствовалъ въ столицахъ; общее бѣдствіе сближало сердца и великодушное остервенѣніе противъ злоупотребленій власти, заглушало голосъ личной осторожности. Вотъ дѣйствія Екатеринина чело-

вѣколюбиваго царствованія: оно не могло быть истреблено въ четыре года Павлова, и доказывало, что мы были достойны имѣть Правительство мудрое, законное, основанное на справедливости.

Россіяне смотрѣли на сего Монарха, какъ на грозный метеоръ, считая минуты и съ нетерпѣніемъ ожидая послѣдней; она пришла и вѣсть о томъ въ цѣломъ Государствѣ была вѣстію искупленія: въ домахъ, на улицахъ люди плакали отъ радости, обнимая другъ друга какъ въ день свѣтлаго Воскресенія. Кто былъ несчастливѣе Павла? Слезы горести лились только въ нѣдрахъ его Августѣйшаго семейства, тужили еще нѣкоторые имъ облагодѣтельствованные, но какіе люди? Ихъ сожалѣніе не менѣе всеобщей радости долженствовало оскорбить душу Павлову, если она, по разлученіи съ тѣломъ, озаренная наконецъ свѣтомъ истины, могла воззрѣть на замлю и на Россію! Къ чести благоразумнѣйшихъ Россіянъ не умолчимъ объ ихъ сужденіи. Свѣдавъ дѣло, они жалѣли, что зло вреднаго царствованія пресѣчено способомъ вреднымъ. Заговоры суть бѣдствія, колеблющія основу Государствъ и служащіе опаснымъ примѣромъ для будущности. Если нѣкоторые вельможи, генералы, тѣлохранители присвоятъ себѣ власть тайно губить Монарховъ, или смѣнять ихъ, что

будетъ самодержавіе? Игралищемъ олигархіи, и должно скоро обратиться къ безначалію, которое ужаснѣе самаго злѣйшаго властителя, подвергая опасности всѣхъ гражданъ, а тиранъ казнитъ только нѣкоторыхъ. Мудрость вѣковъ и благо народное утвердили сіе правило для Монархій, что законъ долженъ располагать тономъ, а Богъ, одинъ Богъ, жизнію Царей! Кто вѣритъ Провидѣнію, да видитъ въ зломъ Самодержцѣ бичъ гнѣва небеснаго! Снесемъ его, какъ бурю, землетрясеніе, язву, феномены страшные, но рѣдкіе: ибо мы въ теченіи 9ти вѣковъ имѣли только двухъ тирановъ: ибо тиранство предполагаетъ необыкновенное ослѣпленіе ума въ Государѣ, коего дѣйствительное счастіе неразлучно съ народнымъ, съ правосудіемъ и съ любовію къ добру. Заговоры да устрашаютъ народъ для спокойствія Государей! Да устрашаютъ и Государей для спокойствія народа! Двѣ причины способствуютъ заговорамъ: общая ненависть или общее неуваженіе къ властителю. Бирономъ и Павелъ были жертвою ненависти, Правительница Анна и Петръ III жертвою неуваженія. Минихъ, Лестокъ и другіе не дерзнули бы на дѣло, противное совѣсти, чести и всѣмъ уставамъ государственнымъ, если бы сверженные ими вла-

стители пользовались уваженіемъ и любовію Россіянъ. —

Не сомнѣваясь въ добродѣтели Александра, судили единственно заговорщиковъ, подвигнутыхъ местію и страхомъ личныхъ опасностей; винили особенно тѣхъ, которые сами были орудіемъ Павловыхъ жестокостей и предметомъ его благодѣяній. Сіи люди уже большею частію скрылись отъ глазъ нашихъ въ мракѣ могилы или неизвѣстности: едва ли кто нибудь изъ нихъ имѣлъ утѣшеніе Брута или Кассія, предъ смертію, или въ уединеніи. Россіяне одобрили юнаго Монарха, который не хотѣлъ быть окруженъ ими и съ величайшею надеждою устремили взоръ на внука Екатерины, давшаго обѣтъ властвовать по ея сердцу!

Доселѣ говорилъ я о царствованіяхъ минувшихъ, буду говорить о настоящемъ, съ моею совѣстію и съ Государемъ по лучшему своему уразумѣнію. Какое имѣю право? Любовь къ отечеству и Монарху, нѣкоторыя, можетъ быть, данныя мнѣ Богомъ способности, нѣкоторыя знанія, пріобрѣтенныя мною въ лѣтописяхъ міра и въ бесѣдахъ съ мужами великими, т. е. въ ихъ твореніяхъ. Чего хочу? Съ добрымъ намѣреніемъ — испытать великодушіе Александра и сказать, что

мнѣ кажется справедливымъ и что нѣкогда скажетъ Исторія.

Два мнѣнія были тогда господствующими въ умахъ: одни хотѣли, что бъ Александръ къ вѣчной славѣ своей взялъ мѣры для обузданія, неограниченнаго самовластія, столь бѣдственнаго при его родителѣ; другіе сомнѣваясь въ надежномъ успѣхѣ такого предпріятія, хотѣли единственно, что бы онъ возстановилъ разрушенную систему Екатерина царствованія, столь счастливую и мудрую въ сравненіи съ системою Павла. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли и какими способами ограничить самовластіе Россіи, не ослабивъ спасительной Царской власти? отвѣтомъ и говорятъ: „можно, надобно только законъ поставить выше Государя.“ Но кому дадимъ право блюсти неприкосновенность этого закона? Сенату-ли? Совѣту-ли? Кто будутъ члены ихъ? Выбираемые Государемъ или Государствомъ? Въ первомъ случаѣ они угодники Царя, во второмъ захотятъ спорить съ нимъ о власти, вижу аристократію, а не Монархію. Далѣе: что сдѣлаютъ Сенаторы, когда Монархъ нарушитъ Уставъ? Представятъ о томъ Его Величеству? А если онъ десять разъ посмѣется надъ ними, объявятъ ли его преступникомъ? Возмутятъ ли народъ! Всякое доброе русское сердце

содрагается отъ сей ужасной мысли. Двѣ власти Государственныя въ одной державѣ, суть два грозные льва въ одной клѣткѣ, готовые терзать другъ друга, а право безъ власти есть ничто. Самодержавіе основало и воскресило Россію: съ перемѣною государственнаго Устава ея она гибла и должна погибнуть, составленная изъ частей столь многихъ и разныхъ, изъ коихъ всякая имѣетъ свои особенныя государственныя пользы. Что кромѣ единовластія неограниченнаго можетъ въ сей махинѣ производить единство дѣйствія? Если бы Александръ, вдохновенный великодушною ненавистою къ злоупотребленіямъ самодержавія, взялъ перо для предписанія себѣ иныхъ законовъ, кромѣ Божіихъ и совѣсти, то истинный добродѣтельный гражданинъ русскій дерзнулъ бы остановить его руку и сказать: „Государь! ты преступаешь границы своей власти: наученная долговременными бѣдствіями, Россія предъ святымъ алтаремъ вручила Самодержавіе твоему предку и требовала, да управляетъ ею верховно, нераздѣльно. Сей завѣтъ есть основаніе твоей власти, иной не имѣешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее!...“ Но вообразимъ, что Александръ предписалъ бы Монаршей власти какой нибудь Уставъ, основанный на правилахъ общей пользы и скрѣпилъ

бы оный святостію клятвы, сія клятва безъ иныхъ способовъ, которые всѣ или невозможны или опасны для Россіи, будетъ ли уздою для преемниковъ Александровыхъ? Нѣтъ, оставимъ мудрствованія ученическія и скажемъ что нашъ Государь имѣетъ только одинъ вѣрный способъ обуздать своихъ наслѣдниковъ въ злоупотребленіяхъ власти: да царствуетъ добродѣтельно! да пріучитъ подданныхъ ко благу! Тогда родятся обычаи спасительные; правила, мысли народныя, которыя лучше всѣхъ бренныхъ формъ удержатъ будущихъ Государей въ предѣлахъ законной власти; чѣмъ? страхомъ — возбудить всеобщую ненависть въ случаѣ противной системы царствованія. Тиранъ можетъ иногда безопасно господствовать послѣ тирана, но послѣ Государя мудраго — никогда! „Сладкое отвращаетъ насъ отъ горькаго,“ сказали послы Владиміровы, извѣдавъ вѣры Европейскія.

Всѣ Россіяне были согласны въ добромъ мнѣніи о качествахъ юнаго Монарха: онъ царствуетъ десять лѣтъ и ни кто не перемѣнитъ о томъ своихъ мыслей; скажу еще болѣе: — всѣ согласны, что едва ли кто нибудь изъ Государей превосходилъ Александра въ любви, въ ревности къ общему благу; едва ли кто нибудь столь мало ослѣплялся блескомъ вѣнца и столь умѣлъ быть человѣкомъ

на тронѣ, какъ Онъ!.... Но здѣсь имѣю нужду въ твердости духа, что бы сказать истину. Россія наполнена недовольными: жалуются въ палатахъ и въ хижинахъ, не имѣютъ ни довѣренности, ни усердія къ правленію, строго осуждаютъ его цѣли и мѣры. Удивительный государственный феноменъ! Обыкновенно бываетъ, что преемникъ Монарха жестокаго, легко снискиваетъ всеобщее одобреніе, смягчая правила власти: успокоенныя кротостію Александра, безвинно не страшась ни Тайной Канцеляріи, ни Сибири и свободно наслаждаясь всѣми позволенными въ гражданскихъ обществахъ удовольствіями, какимъ образомъ изъяснимъ сіе горестное расположеніе умовъ? Несчастными обстоятельствами Европы и важными, какъ думаю, ошибками Правительства, ибо къ сожалѣнію, можно съ добрымъ намѣреніемъ ошибиться въ средствахъ добра. Увидимъ.

Начнемъ со внѣшней политики, которая имѣла столь важное дѣйствіе на внутренность Государства. Ужасная Французская революція была погребена, но оставила сына, сходнаго съ нею въ главныхъ чертахъ лица. Такъ называемая республика обратилась въ Монархію, движимую геніемъ властолюбія и побѣдъ. Умная Англія, испытавъ невыгоду мира, старалась снова поднять всю

Европу на Францію и дѣлала свое дѣло. Вѣна тосковала о Нидерландахъ и Ломбардіи: война представляла ей великія опасности и великія надежды. Берлинъ хитрилъ, довольствуясь учтивостями: миръ былъ для него закономъ благоразумія. Россія ничего не утратила и не могла ничего бояться, т. е, находилась въ самомъ счастливѣйшемъ положеніи. Австрія, все еще сильная, какъ величественная твердыня стояла между ею и Франціею, а Пруссія служила намъ уздою для Австріи. Основаніемъ Россійской политики долженствовало быть желаніе всеобщаго мира, ибо война могла измѣнить состояніе Европы, успѣхи Франціи и Австріи могли имѣть для насъ равно опасныя слѣдствія, усиливъ ту или другую. Властолюбіе Наполеона тѣснило Италію и Германію; первая, какъ отдаленѣйшая, менѣе касалась до особенныхъ пользъ Россіи; вторая долженствовала сохранять свою независимость, чтобъ удалить отъ насъ вліяніе Франціи. Императоръ Александръ болѣе всѣхъ имѣлъ права на уваженіе Наполеона; слава Героя Италійскаго еще гремѣла въ Европѣ и не затмилась стыдомъ Германа и Корсакова; Англія, Австрія были въ глазахъ Консула естественными врагами Франціи; Россія казалась только великодушною посредницею Европы и неотпускно

ходатайствуя за Германію, могла напомнить ему Требію и Нови, въ случаѣ, если бы онъ не изъявилъ надлежащаго вниманія къ нашимъ требованіямъ. Министръ, знаменитый въ хитростяхъ дипломатической науки, представлялъ Россію въ Парижѣ; избраніе такого человѣка свидѣтельствовало, сколь Александръ чувствовалъ важность сего мѣста и даже могло быть пріятно для самолюбія Консула. Къ общему изумленію мы увидѣли, что Графъ Марковъ пишетъ свое имя подъ новымъ раздѣломъ Германскихъ южныхъ областей, въ угодность, въ честь Франціи и къ ея сильнѣйшему вліянію на землю Нѣмецкую; но еще съ большимъ изумленіемъ мы свѣдали, что сей Министръ, въ важномъ случаѣ оказавъ излишнюю снисходительность къ видамъ Наполеона, вручаетъ грозныя записки Талейрану о какомъ-то Женевскомъ бродягѣ, взятомъ подъ стражу во Франціи; дѣлаетъ разныя неудовольствія Консулу въ бездѣлицахъ и принужденный выѣхать изъ Парижа, получаетъ голубую ленту. Можно было угадать слѣдствія, но отъ чего такая перемѣна въ системѣ? Узнали опасное властолюбіе Наполеона? А до-толѣ не знали его? Здѣсь приходитъ мнѣ на мысль тогдашній разговоръ одного молодаго любимца Государева и стараго Министра. Первый, имѣя еще болѣе

самолюбія, нежели остроумія и весьма несильный въ государственной наукѣ, рѣшительно объявилъ при мнѣ, что Россія должна воевать для занятія умовъ праздныхъ и для сохраненія ратнаго духа въ нашихъ арміяхъ, второй съ тонкою улыбкою давалъ чувствовать, что онъ способствовалъ Графу Маркову получить голубую ленту въ досаду Консулу. Молодой любимецъ веселился мыслію схватить ее въ полѣ съ славнымъ Бонапарте, а старый Министръ торжествовалъ, представляя себѣ безсильную ярость Наполеона. Несчастные! Однимъ словомъ исторія Маркова посольства, столь несогласнаго въ правилахъ, была первою нашею политическою ошибкою.

Никогда не забуду своихъ горестныхъ предчувствій, когда я, страдая въ тяжкой болѣзни, услышалъ о походѣ нашего войска..... Россія привела въ движеніе всѣ силы свои, чтобъ помогать Англіи и Вѣнѣ, т. е., служить имъ орудіемъ въ ихъ злобѣ на Францію безъ всякой особенной для себя выгоды. Еще Наполеонъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ не вредилъ прямо нашей безопасности, ограждаемой Австріею и Пруссіею, числомъ и славою нашего воинства. Какіе замыслы имѣли мы въ случаѣ успѣха? Возвратить Австріи великія утраты ея? Освободить Голландію, Швей-

царію? Признаемъ возможность, нетолько въ слѣдствіе десяти рѣшительныхъ побѣдъ и совершеннаго изнуренія Французскихъ силъ: что оказалось бы въ новомъ порядкѣ вещей? Величіе, первенство Австріи, которая изъ благодарности указала бы Россіи вторую степень и то до времени, пока не смирила бы Пруссію, а тамъ объявила бы насъ державою Азіатскою, какъ Бонапарте. Вотъ счастливая сторона; несчастная уже извѣстна!..... Политика нашего Кабинета удивляла своею смѣлостію: одну руку поднявъ на Францію, другою грозили мы Пруссіи, требуя отъ нея содѣйствія! Не хотѣли терять времени въ предварительныхъ сношеніяхъ; хотѣли однимъ махомъ все рѣшить. Спрашиваю, что сдѣлала бы Россія, если бы Берлинское Министерство отвѣтствовало Князю Долгорукову: „Молодой человѣкъ! Вы желаете свергнуть деспота Бонапарте, а сами, еще не свергнувъ его, предписывали законы политикѣ державъ независимыхъ? Иди своимъ путемъ, мы готовы утвердить мечемъ свою независимость.“ Бенигсенъ, Графъ Толстой ударили бы тогда на Пруссію? Прекрасное начало; оно стоило бы конца! Но Князь Долгорукій летѣлъ съ непріятнѣйшимъ отвѣтомъ: правда, насъ обманули, или мы сами обманули себя.

Все сдѣлалось наилучшимъ образомъ для нашей истинной пользы. Макъ въ нѣсколько дней лишился арміи; Кутузовъ вмѣсто Австрійскихъ знаменъ, увидѣлъ предъ собою Наполеоновы, но съ честію, славою, побѣдою отступилъ къ Ольмюцу. Два сильныя воинства стояли готовыя къ бою. Осторожный, благоразумный Наполеонъ, сказалъ своему: „Теперь Европа узнаетъ, кому принадлежитъ имя храбрѣйшихъ, вамъ или Россіянамъ," и предложилъ намъ средства мира. Никогда политика Россійская не бывала въ счастливѣйшихъ обстоятельствахъ, никогда не имѣла столь мало причинъ сомнѣваться въ выборѣ Наполеонъ завоевалъ Вѣну, но Карлъ приближался и 80/т Россіянъ ждали повелѣнія обнажить мечъ. Пруссія готовилась соединиться съ нами. Одно слово могло прекратить войну славнѣйшимъ для насъ образомъ: изгнанникъ Францъ по милости Александра возвратился бы въ Вѣну, уступивъ Наполеону, можетъ быть, только Венецію; независимая Германія оградилась бы Рейномъ; нашъ Монархъ пріобрѣлъ бы имя благодѣтеля, почти возстановителя Австріи. Побѣда долженствовала быть, по крайней мѣрѣ, сомнительною: что мы выиграли съ нею? Едва ли не одну славу, которую имѣли бы и въ мирѣ. Что могло быть слѣдствіемъ неу-

дачи? Стыдъ, бѣгство, голодъ, совершенное истребленіе нашего войска, паденіе Австріи, порабощеніе Германіи и т. д.... Судьбы Божіи неисповѣдимы: мы захотѣли битвы! Вотъ вторая политическая ошибка! (Молчу о воинскихъ).

Третья и самая важнѣйшая слѣдствіями, есть миръ Тильзитскій: ибо она имѣла непосредственное вліяніе на внутреннее состояніе Государства. Не говорю о жалкой исторіи полуминистра Убри, не порицаю ни заключеннаго имъ трактата (который былъ плодомъ Аустерлица), ни министровъ, давшихъ совѣтъ Государю отвергнуть сей законическій договоръ. Не осуждаю и послѣдней войны съ Французами, — тутъ мы долженствовали вступиться за безопасность собственныхъ владѣній, къ коимъ стремился Наполеонъ, волнуя Польшу. Знаю только, что мы въ теченіе зимы должны были или прислать новыхъ 100/т къ Бенигсену, или вступить въ мирные переговоры, коихъ успѣхъ былъ вѣроятенъ. Пултускъ и Прейсишъ-Эйлау ободрили Россіянъ, изумивъ Французовъ.... но здѣсь-то слѣдовало показать отважность, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ глубокомысленнымъ благоразуміемъ: таковъ былъ сей. Надлежало забыть Европу, проигранную нами въ Аустерлицѣ и Фридландѣ, надлежало думать един-

ственно о Россіи, что бы сохранить ея внутреннее благосостояніе, т. е., не принимать мира кромѣ честнаго, безъ всякаго обязательства расторгнуть выгодныя для насъ торговыя связи съ Англіею и воевать съ Швеціею, въ противность святѣйшимъ уставамъ человѣчества и народнымъ. Безъ стыда могли бы мы отказаться отъ Европы, но безъ стыда не могли служить въ ней орудіемъ Наполеоновымъ, обѣщавъ избавить Европу отъ его насилій. Умолчимъ ли о второмъ необходимомъ для нашей безопасности условіи, отъ коего мы долженствовали бы отступить, развѣ претерпѣвъ новое бѣдствіе на правомъ берегу Нѣмана, условіи, что бы не быть Польшѣ ни подъ какимъ видомъ, ни подъ какимъ именемъ? Безопасность собственная есть вышній законъ въ политикѣ: лучше бы согласиться, чтобъ Наполеонъ взялъ Швецію, самый Берлинъ, нежели признать Варшавское Герцогство.

Такимъ образомъ великія наши усилія, имѣвъ слѣдствіемъ Аустерлицъ и миръ Тильзитскій, утвердили господство Франціи надъ Европою и сдѣлали насъ чрезъ Варшаву сосѣдами Наполеона. Сего мало: убыточная война Шведская и разрывъ съ Англіей произвели неумѣренное умноженіе ассигнацій, дороговизну и всеобщія жалобы внутри

Государства. Мы завоевали Финлядію; пусть Монитёръ славитъ сіе пріобрѣтеніе! Знаемъ, что оно намъ стоило, кромѣ людей и денегъ. Государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное могущество; жертвуя честію, справедливостію, вредимъ послѣднему. Мы взяли Финляндію, заслуживъ ненависть Шведовъ, укоризну всѣхъ народовъ, — и, я знаю, что было горестнѣе для великодушія Александра, быть побѣжденнымъ отъ Французовъ, или принужденнымъ слѣдовать ихъ хищной системѣ. Пожертвовавъ союзу Наполеона нравственнымъ достоинствомъ великой Имперіи, можемъ ли надѣяться на искренность его дружбы? Обманемъ ли Наполеона. Сила вещей неодолима. Онъ знаетъ, что мы внутренно ненавидимъ его, ибо его боимся; онъ видѣлъ усердіе наше въ послѣдней войнѣ Австрійской, болѣе нежели сомнительное. Сія двоякость была необходимымъ слѣдствіемъ того положенія, въ которое мы поставили себя Тильзитскимъ миромъ и не есть новая ошибка. Легко ли исполняется обѣщаніе услуживать врагу естественному и придавать ему силы! Думаю, что мы, взявъ Финляндію, не посовѣстились бы завоевать Галицію, если бы предвидѣли вѣрный успѣхъ Наполеоновъ. Но Карлъ могъ еще побѣдить; къ тому же и самымъ

усерднымъ исполненіемъ обязанности союзниковъ, мы не заслужили бы искренняго доброжелательства Наполеонова. Онъ далъ бы намъ поболѣе, но не далъ бы средствъ утвердить нашу независимость. Скажемъ ли, что Александру надлежало бы пристать къ Австрійцамъ; Австрійцы не пристали къ намъ, когда Бонапарте въ изнуреніи удалился отъ Прейсишъ-Эйлау и когда ихъ стотысячная армія могла бы доканать его. Политика незлопамятна безъ сомнѣнія, но 30 и 49/т. Россіянъ могли бы также не подоспѣть къ рѣшительной битвѣ, какъ Эрцъ-Герцогъ Іоаннъ къ Ваграмской; Ульмъ, Аустерлицъ находились въ свѣжей памяти. Что бы вышло? Еще хуже: Бонапарте, увидѣвъ нашу отважность, взялъ бы скорѣйшія, дѣйствительнѣйшія мѣры для обузданія оной. На сей разъ лучше, что онъ считаетъ насъ только рабскими, тайными врагами, только не допускаетъ мириться съ Турками, только изъ подъ руки стращаетъ Швеціею и Польшею. Что будетъ далѣе, — извѣстно Богу, но людямъ извѣстны сдѣланныя нами политическія ошибки; но люди говорятъ: для чего Графъ Марковъ сердилъ Бонапарте въ Парижѣ? Для чего мы легкомысленно войною навели отдаленныя тучи на Россію! Для чего не заключили мира прежде Аустерлица? Гласъ народа, гласъ Божій. Ни кто

не увѣритъ Россіянъ, чтобы совѣтники Трона, въ дѣлахъ внѣшней политики слѣдовали правиламъ истинной, мудрой любви къ отечеству и къ доброму Государю. Сіи несчастные, видя бѣду, думали единственно о пользѣ своего личнаго самолюбія; — всякій изъ нихъ оправдался, что бы винить Монарха.

Посмотримъ, какъ они дѣйствовали и дѣйствуютъ внутри Государства. Вмѣсто того, чтобы немедленно обращаться къ порядку вещей Екатеринина царствованія, утвержденному опытомъ 34 лѣтъ, и, такъ сказать, оправданному безпорядками Павлова времени, вмѣсто того, что бы отмѣнить единственно излишнее, прибавить нужное, однимъ словомъ исправить по основательному размышленію, совѣтники Александровы захотѣли новостей въ главныхъ способахъ Монаршаго дѣйствія, оставивъ безъ вниманія правило мудрыхъ, что всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло, къ коему надобно прибѣгнуть только въ необходимости: ибо одно время даетъ надлежащую твердость уставамъ; ибо болѣе уважаемъ то, что давно уважаемъ и все дѣлаемъ лучше отъ привычки. Петръ Великій замѣнилъ Боярскую Думу — Сенатомъ, Приказы — Коллегіями и не безъ важнаго усилія сообщилъ онымъ стройную дѣя-

тельность. Время открыло лучшіе способы управленія и Екатерина издала учрежденіе Губерній, приведя его въ исполненіе по частямъ съ великою осторожностію. Коллегіи дѣлъ судныхъ и казенныхъ уступили мѣсто Палатамъ: другіе остались и если правосудіе и государственное хозяйство при Екатеринѣ не удовлетворили всѣмъ желаніямъ добраго гражданина, то ни кто не мыслилъ жаловаться на формы, или на образованіе: жаловались только на людей. Фельдмаршалъ Минихъ замѣчалъ въ нашемъ государственномъ чинѣ нѣкоторую пустоту между Трономъ и Сенатомъ, но едва ли справедливо. Подобно древней Боярской Думѣ, Сенатъ въ началѣ своемъ имѣлъ всю власть, какую только вышнее правительствующее мѣсто въ самодержавіи имѣть можетъ. Генералъ-Прокуроръ служилъ связію между имъ и Государемъ; тамъ вершились дѣла, которыя бы надлежало вершить Монарху: по человѣчеству не имѣя способа обнять ихъ множество, онъ далъ Сенату свое верховное право и свое око въ Генералъ-Прокурорѣ, опредѣливъ въ какихъ случаяхъ дѣйствовать сему важному мѣсту по извѣстнымъ законамъ и въ какихъ требовать его Высочайшаго соизволенія. Сенатъ издавалъ законы, повѣрялъ дѣла Коллегій, рѣшалъ ихъ сом-

нѣнія, или испрашивалъ у Государя, который принимая отъ него жалобы отъ людей частныхъ грозилъ строгою казнію ему въ злоупотребленіи власти, или дерзкому челобитчику въ несправедливой жалобѣ. Я не вижу пустоты и новѣйшая Исторія, отъ временъ Петра до Екатерины II свидѣтельствуетъ, что учрежденіе Верховныхъ Совѣтовъ, Кабинетовъ, Конференцій, было не совмѣстно съ первоначальнымъ характеромъ Сената, ограничивая, или стѣсняя кругъ его дѣятельности: одно мѣшало другому.

Сія система Правительства не уступала въ благоустройствѣ ни какой иной Европейской, заключая въ себѣ, кромѣ общаго со всѣми, нѣкоторыя особенности, сообразныя съ мѣстными обстоятельствами Имперіи. Павелъ не любя дѣлъ своей матери, возстановилъ разныя уничтоженныя ею Коллегіи, сдѣлалъ перемѣны въ учрежденіи губерній, но благоразумныя; отмѣнивъ малонужные верхніе Земскіе Суды съ расправами, отнявъ право исполненія у рѣшеній Палатскихъ и проч. Движимый любовію къ общему благу, Александръ хотѣлъ лучшаго, совѣтовался и учредилъ Министерства, согласно съ мыслями Фельдмаршала Миниха и съ системою Правительствъ иностранныхъ. Прежде всего замѣтимъ излишнюю поспѣшность

въ семъ учрежденіи: Министерства уставлены и приведены въ дѣйствіе, а не было еще наказа Министрамъ, т. е. вѣрнаго, яснаго руководства въ исполненіи важныхъ ихъ обязанностей! Теперь спросимъ о пользѣ. Министерскія бюро заняли мѣсто Коллегій, гдѣ трудились знаменитые чиновники, Президентъ и нѣсколько Засѣдателей, имѣя долговременный навыкъ и строгую отвѣтственность правительствующаго мѣста, тамъ увидѣли мы маловажныхъ чиновниковъ, Директоровъ, Экспедиторовъ, Столоначальниковъ, которые подъ щитомъ Министра дѣйствуютъ безъ всякаго опасенія. Скажутъ, что Министръ все дѣлаетъ и за все отвѣтствуетъ; но одно честолюбіе бываетъ неограниченно. Силы и способности смертнаго заключаются въ предѣлахъ весьма тѣсныхъ. Напр. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, захвативъ почти всю Россію, могъ ли основательно вникать въ смыслъ безчисленныхъ входящихъ къ нему и выходящихъ отъ него бумагъ?... Могъ ли даже разумѣть предметы столь различные? Начали являться одни за другими Комитеты, они служили сатирою на учрежденіе Министерствъ, доказывая ихъ недостатокъ для благоуспѣшнаго правленія. Наконецъ замѣтили излишнюю многосложность внутренняго Министерства. — Что же сдѣлали? — Прибавили

новое, столь же многосложное и непонятное для Русскихъ въ его составѣ. Какъ! Опеки принадлежатъ Министру Полиціи? Ему же и Медицина? и проч. и проч., или сіе Министерство есть только часть внутренняго, или названо не своимъ именемъ. И благопріятствуетъ ли славѣ мудраго Правительства сіе второе преобразованіе? Учредили, и послѣ говорятъ: „извините мы ошиблись; сіе относится не къ тому, а къ другому Министерству.“ Надлежало бы обдумать прежде; иначе, что будетъ порукою и за твердость инаго устава? Далѣе, основавъ бытіе свое на развалинахъ Коллегій, — ибо самая Военная и Адмиралтейская утратили важность свою въ семъ порядкѣ вещей, Министры стали между Государемъ и народомъ, заслоняя Сенатъ, отнимая его силу и величіе, хотя подвѣдомые ему отчетами, но сказавъ: „я имѣлъ счастіе докладывать Государю!“ заграждалъ уста Сенаторамъ, а сія мнимая отвѣтственность была доселѣ пустымъ обрядомъ. Указы, законы предлагаемые Министрами, одобряемые Государями, обращались Сенату только для обнародованія. Выходило, что Россіею управляли Министры, т. е. каждый изъ нихъ по своей части могъ творить и разрушать. Спрашиваемъ: кто болѣе заслуживаетъ довѣренность, одинъ ли Ми-

нистръ, или собраніе знатнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ, которое мы обыкли считать высшимъ Правительствомъ, главнымъ орудіемъ Монаршей власти? Правда, Министры составляли между собою Комитетъ; ему надлежало одобрить всякое новое установленіе прежде, нежели оно утвердилось Монархомъ; но сей Комитетъ не походитъ ли на Совѣтъ 6 или 7 разноземцовъ, изъ коихъ всякой говоритъ особеннымъ языкомъ, не понимая другихъ. Министръ Морскихъ силъ обязанъ ли разумѣть тонкости судебной науки или правила Государственнаго хозяйства и проч..... Еще важнѣе то, что каждый изъ нихъ, имѣя нужду въ сговорчивости товарищей для своихъ особенныхъ выгодъ, самъ дѣлается сговорчивъ.

„Просимъ терпѣнья, отвѣтствуютъ совѣтники Монарха, мы изобрѣтаемъ еще новый способъ ограничить власть Министровъ;“ выходитъ учрежденіе Совѣта.

И Екатерина II имѣла Совѣтъ, слѣдуя правилу: „умъ хорошо, а два лучше.“ Кто изъ смертныхъ не совѣтуется съ другимъ въ важныхъ случаяхъ? Государи болѣе всѣхъ имѣютъ въ томъ нужду. Екатерина въ дѣлахъ войны и мира, гдѣ ей надлежало произнести рѣшительное да или нѣтъ, слушала мнѣніе нѣкоторыхъ избранныхъ

вельможъ; вотъ Совѣтъ ея, по существу своему Тайный, т. е. особенно лично Императорскій. Она не сдѣлала его Государственнымъ, торжественнымъ, ибо не хотѣла уничтожить Петрова Сената, коего бытіе, какъ мы сказали, несовмѣстно съ другимъ высшимъ правительствующимъ мѣстомъ. Какая польза унижать Сенатъ, чтобъ возвысить другое правительство, если члены перваго недостойны Монаршей довѣренности? Надобно только перемѣнить ихъ: или Сенатъ не будетъ правительствующимъ, или Совѣтъ не можетъ торжественно и подъ своимъ именемъ разсматривать за нимъ дѣлъ, и мимо Сената издавать съ Государемъ законы. Мы читаемъ нынѣ въ Указахъ Монаршихъ: внявъ мнѣнію Совѣта, и такъ Сенатъ въ сторонѣ? Что же онъ? Останется ли только судилищемъ? — Увидимъ, ибо намъ велятъ ждать новыхъ дополнительныхъ Уставовъ Государственныхъ, преобразованія Сенатскаго, Губерній и проч. Въ Монархіи, пишетъ Монтескьё, должно быть хранилище законовъ: „Le conseil du prince n'est pas un depôt conservable, il est par sa nature le depôt de la volonté momentanée du prince qui exécute et non pas le depôt des lois fondamentales. De plus le conseil du Monarque change sans cesse: il n'est pas point permanent: il ne saurait être nombreux,

il n'a point à un assez haut degré la confiance du peuple; il n'est donc pas en état de l'éclairez dans le temps difficile, ni de le ramener à l'obeissance.“ Что ни будетъ, но сказанное нами не измѣнится въ главномъ смыслѣ: Совѣтъ будетъ Сенатомъ, или его половиною, отдѣленіемъ. Сіе значитъ играть именами и формами, придавать имъ важность, которую имѣютъ только вещи. Поздравляю изобрѣтателя сей новой формы, или предисловія законовъ: „внявъ мнѣнію Совѣта,“ — Государь Россійскій внемлетъ только мудрости, гдѣ находитъ ее: въ собственномъ ли умѣ, въ книгахъ ли, въ головѣ ли лучшихъ своихъ подданныхъ; но въ самодержавіи ненадобно никакого одобренія для законовъ, кромѣ подписи Государей они имѣютъ всю власть. Совѣтъ, Сенатъ, Комитеты, Министры суть только способы ея дѣйствій, или повѣренные Государя; ихъ не спрашиваютъ, гдѣ онъ самъ дѣйствуетъ. Выраженіе: Le conseil d'état entendu, не имѣетъ смысла для гражданина Россійскаго; пусть Французы справедливо или несправедливо употребляютъ оное! Правда и у насъ писали: „Государь указалъ, Бояре приговорили,“ но сія законная пословица была на Руси нѣсколько лѣтъ панихидою на усопшую аристо-

кратію боярскую. Воскресимъ ли форму, когда и вещь и форма давно истребились?

Совѣтъ, говорятъ, будетъ уздою для Министровъ. Императоръ даетъ ему разсматривать важнѣйшія ихъ представленія; но между тѣмъ они все будутъ править Государствомъ именемъ Государя. Совѣтъ не вступаетъ въ обыкновенное теченіе дѣлъ, вопрошаемый единственно въ случаяхъ чрезвычайныхъ, или въ новыхъ постановленіяхъ, а сей обыкновенный порядокъ государственной дѣятельности составляетъ благо или зло нашего времени.

Спасительными уставами бываютъ единственно тѣ, коихъ давно желаютъ лучшіе умы въ Государствѣ и которые, такъ сказать, предчувствуются народомъ, будучи ближайшимъ цѣлебнымъ средствомъ на извѣстное зло: учрежденіе Министерствъ и Совѣта имѣло для всѣхъ дѣйствіе внезапности. По крайней мѣрѣ авторы долженствовали изъяснить пользу своихъ новыхъ образованій: читаю и вижу однѣ сухія формы, мнѣ чертятъ линіи для глазъ, оставляя мой умъ въ покоѣ. Говорятъ Россіянамъ: „было такъ, отнынѣ будетъ иначе.“ Для чего? — не сказываютъ. Петръ Великій въ важныхъ перемѣнахъ государственныхъ давалъ отчетъ народу: взгляните

на регламентъ духовный, гдѣ Императоръ открываетъ вамъ всю душу свою, всѣ побужденія, причины и цѣль сего Устава. Вообще новые законодатели Россіи славятся наукою письмоводства болѣе, нежели наукою Государственною; издаютъ проэктъ наказа Министерскаго, — что важнѣе и любопытнѣе? — Тутъ безъ сомнѣнія опредѣлена сфера дѣятельности, цѣль, способы, должности каждаго Министра? Нѣтъ; брошено нѣсколько словъ о главномъ дѣлѣ, а все другое относится къ мелочамъ канцелярскимъ: сказываютъ, какъ переписываться Министерскимъ Департаментамъ между собою, какъ входятъ бумаги, какъ Государь начинаетъ и кончаетъ свои рескрипты? Монтескьё означаетъ признаки возвышенія или паденія Имперіи. Авторъ сего проэкта съ такою же важностію даетъ правила судить о цвѣтущемъ и худомъ состояніи Канцеляріи. Искренно хвалю его знанія въ сей части, но осуждаю постановленія: „если Государь издаетъ Указъ, несогласный съ мыслями Министра, то Министръ не скрѣпляетъ онаго своею подписью.“ Слѣдственно въ Государствѣ Самодержавномъ, Министръ имѣетъ законное право объявить публикѣ, что выходящій Указъ, по его мнѣнію, вреденъ. Министръ есть рука Вѣнценосца, не болѣе; рука не судитъ головы. Ми-

нистръ подписываетъ Именные Указы не для публики, а для Императора, во увѣреніе, что они написаны слово въ слово, такъ, какъ Государь приказалъ. Подобныя ошибки въ коренныхъ государственныхъ понятіяхъ едва ли извинительны. Чтобы опредѣлить важную отвѣтственность Министра, авторъ пишетъ: „Министръ судится въ двухъ случаяхъ: когда преступитъ мѣру власти своей, или когда не воспользуется данными ему способами для отвращенія зла.“ Гдѣ же означена сія мѣра власти и сіи способы? Прежде надобно дать законъ, а послѣ говорить о наказаніи преступника. Сія громогласная отвѣтственность Министровъ въ самомъ дѣлѣ можетъ ли быть предметомъ торжественнаго суда въ Россіи? Кто ихъ избираетъ? Государь. Пусть онъ награждаетъ достойныхъ своею милостію, а въ противномъ случаѣ, удаляетъ недостойныхъ, безъ шума, тихо и скромно. Худой Министръ есть ошибка Государева: должно исправлять подобныя ошибки, но скрытно, чтобы народъ имѣлъ довѣренность къ личнымъ выборамъ Царскимъ.

Разсматривая такимъ образомъ сіи новыя государственныя творенія и видя ихъ незрѣлость, добрые Россіяне жалѣютъ о бывшемъ порядкѣ вещей. Съ Сенатомъ, съ Коллегіями, съ Генералъ-

Прокурорами у насъ шли дѣла и прошло блестящее царствованіе Екатерины II. Всѣ мудрые законодатели, принуждаемые измѣнить уставы политическіе, старились какъ можно менѣе отходить отъ старыхъ. „Если число и власть сановниковъ необходимо должны быть перемѣнены, говоритъ умный Макіавель, то удержите хотя имя ихъ для народа.“ Мы поступаемъ совсемъ иначе: оставляемъ вещь, гонимъ имена, для произведенія того же дѣйствія вымышляемъ другіе способы! Зло, къ которому мы привыкли, для насъ чувствительно менѣе новаго, а новому добру какъ-то не вѣрится. Перемѣны сдѣланныя не ручаются за пользу будущихъ; ожидаютъ ихъ болѣе со страхомъ, нежели надеждою, ибо къ древнимъ государственнымъ зданіямъ прикасаться опасно. Россія же существуетъ около 1000 лѣтъ и не въ образѣ дикой Орды, но въ видѣ Государства великаго, а намъ все твердятъ о новыхъ образованіяхъ, о новыхъ уставахъ, какъ будто бы мы недавно вышли изъ темныхъ лѣсовъ Американскихъ! Требуемъ болѣе мудрости хранительной, нежели творческой. Если Исторія справедливо осуждаетъ Петра I за излишнюю страсть его къ подражанію иноземнымъ державамъ, то оно въ наше время не будетъ ли еще страшнѣе? Гдѣ, въ какой землѣ

Европейской блаженствуетъ народъ, цвѣтетъ правосудіе, сіяетъ благоустройство, сердца довольны, умы спокойны?... Во Франціи?... Правда, тамъ есть Conseil d'état, Secretaire d'état, Senat conservateur, Ministres de l'intérieur, de la justice, des finances, de l'instruction publique, de la police, des cultes, правда, что Екатерина II не имѣла ни сихъ правительствъ, ни сихъ чиновниковъ. Но гдѣ видимъ гражданское общество, согласное съ истинною цѣлью онаго, въ Россіи ли при Екатеринѣ II, или во Франціи при Наполеонѣ? Гдѣ болѣе произвола и прихотей самовластія? Гдѣ болѣе законнаго, единообразнаго теченія въ дѣлахъ Правительства? Мы читаемъ въ прекрасной душѣ Александра сильное желаніе утвердить въ Россіи дѣйствіе закона, оставивъ прежнія формы, но двигая, такъ сказать, оныя постояннымъ духомъ ревности къ общему добру, онъ скорѣе могъ бы достигнуть сей цѣли и затруднилъ бы для наслѣдниковъ отступленіе отъ законнаго порядка; гораздо легче отмѣнить новое, нежели старое; гораздо легче придать важности Сенату, нежели дать важность нынѣшнему Совѣту въ глазахъ будущаго преемника Александрова; новости ведутъ къ новостямъ и благопріятствуютъ необузданностямъ произвола.

Скажемъ ли, повторимъ ли, что одна изъ

главныхъ причинъ неудовольствія Россіянъ на нынѣшнее Правительство, есть излишняя любовь его къ государственнымъ преобразованіямъ, которыя потрясаютъ основу Имперіи и коихъ благотворность остается доселѣ сомнительною.

Теперь пройдемъ въ мысляхъ нѣкоторыя временныя и частныя постановленія Александрова царствованія, посмотримъ, какія мѣры брались въ обстоятельствахъ важныхъ и что было ихъ слѣдствіемъ.

Наполеонъ однимъ махомъ разрушивъ дотолѣ знаменитую державу Прусскую, стремился къ нашимъ границамъ. Ни кто изъ добрыхъ Россіянъ не былъ покоенъ: всѣ чувствовали необходимость усилій чрезвычайныхъ и ждали, что сдѣлаетъ Правительство. Выходитъ манифестъ о милиціи.... вѣрю, что совѣтники Государевы имѣли доброе намѣреніе, но худо знали состояніе Россіи. Вооружить шесть сотъ тысячъ человѣкъ, не имѣя оружія въ запасѣ, прокормить ихъ безъ средства везти хлѣбъ за ними, или изготовить въ тѣхъ мѣстахъ, куда имъ идти надлежало! Гдѣ взять столько дворянъ для предводительства? Во многихъ мѣстахъ не доставало и половины чиновниковъ. Изумили дворянъ, испугали земледѣльцовъ; подвозы, работы остановились; съ горя началось пьянство

между крестьянами, ожидали и дальнѣйшихъ неистовствъ. Богъ защитилъ насъ. Нѣтъ сомнѣнія, что благородные сыны отечества готовы были тогда на великодушныя жертвы, но скоро общее усердіе простыло: увидѣли, что Правительство захотѣло невозможнаго, довѣренность къ нему ослабѣла, и, люди, читавшіе въ первый разъ Манифестъ съ слезами, чрезъ нѣсколько дней начали смѣяться надъ жалкою милиціею! Наконецъ уменьшили число ратниковъ, имѣли семь мѣсяцовъ времени и не дали Арміи никакой сильной подмоги! За то миръ Тильзитскій..... Если бы Правительство вмѣсто необыкновенной для насъ милиціи, потребовало отъ Государства 150/т. рекрутовъ съ хлѣбомъ, съ подводами, съ деньгами, то сіе не произвело бы ни малѣйшаго волненія въ Россіи и могло бы усилить нашу Армію прежде Фридландской битвы. Надлежало бы только не дремать въ исполненіи, въ случаѣ Государственныхъ чрезвычайныхъ опасностей и жертвъ главное правило — есть дѣйствовать стремительно, не давать людямъ образумиться, не отступать въ мѣрахъ, не раздумывать. Я читалъ переписку Русскихъ воеводъ при Лжедимитріи, когда мы не имѣли ни Царя, ни Совѣта Боярскаго, ни столицы: сіи воеводы худо знали грамотѣ, но знали Россію и спасли ее самыми про-

стѣйшими средствами, требуя другъ отъ друга, что каждый изъ нихъ могъ сдѣлать лучшаго по мѣстнымъ обстоятельствамъ своего начальства. Сію статью заключу особеннымъ примѣчаніемъ. Во время милиціи всѣ жаловались на недостатокъ оружія и винили безпечность начальства: не знаю воспользовались ли мы опытомъ для нашей будущей безопасности? Арсеналы наполняются ли пушками и ружьями на всякій случай? Слышу только, что славный Тульскій заводъ приходитъ въ упадокъ, что новыя машины дѣйствуютъ не весьма удачно и что новыя образцовыя ружья причиною раззоренія мастеровъ; — такъ ли?

Всѣ намѣренія Александровы клонятся къ общему благу. Гнушаясь безсмысленнымъ правиломъ, удержать умы въ невѣжествѣ, что бы властвовать тѣмъ спокойнѣе, онъ употребилъ милліоны для образованія Университетовъ, Гимназій, школъ; къ сожалѣнію видимъ, болѣе убытка для казны, нежели выгодъ для Отечества. Выписали Профессоровъ, не приготовивъ учениковъ; между первыми много достойныхъ людей, но мало полезныхъ; ученики не разумѣютъ иноземныхъ учителей, ибо худо знаютъ языкъ Латинскій и число ихъ такъ невелико, что Профессоры теряютъ охоту ходить въ классы. Вся бѣда отъ того, что мы образовали

свои Университеты по Нѣмецкимъ, не разсудивъ, что здѣсь иныя обстоятельства. Въ Лейпцигѣ, въ Генттингенѣ, надобно Профессору стать только на каѳедру, залъ паполнится слушателями. У насъ нѣтъ охотниковъ для высшихъ наукъ. Дворяне служатъ, а купцы желаютъ знать существенно Ариѳметику или языки иностранные для выгоды своей торговли. Въ Германіи сколько молодыхъ людей учатся для того, что бы сдѣлаться Адвокатами, Судьями, Пасторами, Профессорами: наши Стряпчіи и Судьи не имѣютъ нужды въ знаніи Римскихъ правъ; наши Священники образуются кое-какъ въ Семинаріяхъ и далѣе нейдутъ, а выгоды ученаго состоянія въ Россіи такъ еще новы, что отцы не вдругъ еще рѣшатся готовить дѣтей своихъ для онаго. Вмѣсто 60ти Профессоровъ, пріѣхавшихъ изъ Германіи въ Москву и другіе города, я вызвалъ бы не болѣе 20 и не пожалѣлъ бы денегъ для умноженія числа казенныхъ питомцевъ въ Гимназіяхъ; скудные родители, отдавая туда сыновей, благословляли бы милость Государя и призрѣнная бѣдность чрезъ 10, 15 лѣтъ произвела бы ученое состояніе. Смѣю сказать, что нѣтъ инаго дѣйствительнаго средства для успѣха въ семъ намѣреніи. Строить, покупать домы для Университетовъ, заводить Библіотеки, Кабинеты,

ученыя общества, призывать знаменитыхъ иноземныхъ Астрологовъ, Филологовъ, — есть пускать въ глаза пыль. Чего не преподаютъ нынѣ даже въ Харьковѣ и Казани? А въ Москвѣ съ величайшимъ трудомъ можно найти учителя для языка Русскаго, а въ цѣломъ Государствѣ едва ли найдешь человѣкъ сто, которые совершенно знаютъ правописаніе и мы не имѣемъ хорошей Грамматики, а въ Именныхъ Указахъ употребляются слова не въ ихъ смыслѣ: пишутъ въ важномъ Балловомъ учрежденіи: „отдать деньги безсрочно, вмѣсто à perpétuité, безъ возврата; пишутъ въ Манифестѣ о торговыхъ пошлинахъ: „сократить ввозъ товаровъ и проч. и проч. — Замѣтимъ также нѣкоторыя странности въ семъ новомъ образованіи ученой части. Лучшіе Профессоры, коихъ время должно быть по священо наукѣ, занимаются подрядами свѣчь и дровъ для Университета! Въ сей кругъ хозяйственныхъ заботъ входитъ еще содержаніе ста или болѣе училищъ, подвѣдомыхъ Университетскому Совѣту. Сверхъ того Профессоры обязаны ежегодно ѣздить по губерніямъ для обозрѣнія школъ: сколько денегъ и трудовъ потерянныхъ! Прежде хозяйство Университета зависѣло отъ его особой Канцеляріи — и гораздо лучше. Пусть Директоръ Училищъ года въ два одинъ

разъ осмотрѣлъ бы уѣздныя школы въ своей Губерніи; но смѣшно и жалко видѣть сихъ бѣдныхъ Профессоровъ, которые всякую осень трясутся въ кибиткахъ по дорогамъ! Они, не выходя изъ Совѣта, могутъ знать состояніе всякой Гимназіи или школы по ея вѣдомостямъ: гдѣ много учениковъ, тамъ училище цвѣтетъ; гдѣ ихъ мало, тамъ оно худо; а причина едва ли не всегда одна: — худые учители. Для чего не опредѣляютъ хорошихъ? Ихъ нѣтъ, или мало? Что виною? — Сонливость здѣшняго Педагогическаго Института (говорю о Московскомъ, мнѣ извѣстномъ). Путешествія Профессоровъ не исправятъ сего недостатка. Вообще Министерство такъ называемаго Просвѣщенія въ Россіи до нынѣ дремало, не чувствуя своей важности, и, какъ бы не вѣдая, что ему дѣлать, а пробуждалось отъ времени до времени, единственно для того, что бы требовать денегъ, чиновъ и крестовъ отъ Государя.

Сдѣлавъ многое для успѣха наукъ въ Россіи и съ неудовольствіемъ видя слабую ревность дворянъ въ снисканіи ученыхъ свѣдѣній въ Университетахъ, Правительство желало насъ принудить къ тому и выдало несчастный Указъ объ экзаменахъ. Отнынѣ никто не долженъ быть производимъ ни въ Статскіе Совѣтники, ни въ Кол-

лежскіе Ассесоры, безъ свидѣтельства о своей учености. Доселѣ въ самыхъ просвѣщенныхъ Государствахъ требовалось отъ чиновниковъ только необходимаго, для ихъ службы, знанія: науки Инженерной отъ Инженера, Законовѣдѣнія отъ судьи и проч. У насъ Предсѣдатель Гражданской Палаты обязанъ знать Гомера и Ѳеокрита, Секретарь Сенатскій — свойство оксидена и всѣхъ газовъ Вице-Губернаторъ — Пифагорову фигуру, Надзиратель въ домѣ сумасшедшихъ — Римское право, или умрутъ Коллежскими и Титулярными Совѣтниками. Ни 40-лѣтняя дѣятельность Государственная, ни важныя заслуги, не освобождаютъ отъ долга знать вещи совсѣмъ для насъ чуждыя и безполезныя. Никогда любовь къ наукамъ не производила дѣйствія столь несогласнаго съ ихъ цѣлію! Забавно, что сочинитель сего Указа, предписывающаго всѣмъ знать Риторику, самъ дѣлаетъ въ ней ошибки грамматическія! Не будемъ говорить о смѣшномъ; замѣтимъ только вредное. До нынѣ дворяне и недворяне въ Гражданской службѣ искали у насъ чиновъ или денегъ: первое побужденіе невинно, второе опасно, ибо умѣренность жалованья производитъ въ корыстолюбивыхъ охоту мздоимства. Теперь не зная ни Физики, ни Статистики, ни другихъ наукъ, для чего будутъ

служить Титулярные и Коллежскіе Совѣтники? Лучшіе, т. е., честолюбивые, возмутъ отставку, худшіе т. е. корыстолюбивые, останутся драть кожу съ живаго и мертваго. Уже видимъ и примѣры. Вмѣсто сего новаго постановленія надлежало бы только исполнить сказанное въ Уставѣ Университетскомъ, что впредь молодые люди, вступая въ службу, обязаны предъявлять свидѣтельство о своихъ знаніяхъ. Отъ начинающихъ можно всего требовать, но кто уже давно служитъ, съ тѣмъ нельзя по справедливости дѣлать новыхъ условій для службы; онъ посѣдѣлъ въ трудахъ, въ правилахъ чести и въ надеждѣ имѣть нѣкогда чинъ Статскаго Совѣтника, ему обѣщаннаго закономъ; а Вы нарушаете сей контрактъ Государственный, и вмѣсто всеобщихъ знаній должно отъ каждаго человѣка требовать единственно нужныхъ для той службы, коей онъ желаетъ посвятить себя. Юнкеровъ Иностранной Коллегіи испытывайте въ Статистикѣ, Исторіи, Географіи, Дипломатикѣ, языкахъ; другихъ только въ знаніяхъ отечественнаго языка и права Русскаго, а не Римскаго, для насъ безполезнаго; — третьихъ — въ Геометріи, буде они желаютъ быть землемѣрами и т. д. Хотѣть лишняго, или не хотѣть должнаго, равно предосудительно.

Указъ объ экзаменахъ былъ осыпанъ вездѣ язвительными насмѣшками; тотъ, о коемъ теперь хочу говорить, многихъ оскорбилъ и никого не порадовалъ, хотя самое святѣйшее человѣколюбіе внушило его мысль Государю. Слыхали мы о дворянахъ извергахъ, которые торговали людьми безчеловѣчно: купивъ деревню, выбирали крестьянъ, годныхъ въ солдаты и продавали ихъ врозь. Положимъ, что такіе звѣри были въ наше время, надлежало бы грознымъ Указомъ запретить сей промыслъ и сказать, что имѣніе дворянъ, столь недостойныхъ, будетъ отдаваемо въ опеку. Губернаторы могли бы наблюдать за исполненіемъ. Вмѣсто сего запрещаютъ продажу и куплю рекрутъ. Дотолѣ лучшіе земледѣльцы охотно трудились 10, 20 л., чтобы скопить 700 или 800 рублей на покупку рекрута и тѣмъ сохранить цѣлость семьи своей; нынѣ отнято отъ нихъ сильнѣйшее побужденіе благодѣтельнаго трудолюбія, промышленности, жизни трезвой. На что богатство родителю, когда оно не спасетъ любезнаго его сына? Правда, винные откупщики радуются, но отцы семействъ плачутъ. Для Государства необходимы рекруты, лучше брать ихъ изъ людей злосчастныхъ, нежели счастливыхъ, ибо судьба послѣднихъ несравненно горестнѣе въ солдатахъ.

Спрашиваю: крестьяне тирана-помѣщика, который изъ жадности къ золоту могъ бы продать ихъ въ рекруты, наслаждаются ли благоденствіемъ отъ того, что сія продажа запрещена? Можетъ быть они сдѣлались бы менѣе злополучны въ полкахъ; съ другой стороны небогатые владѣльцы лишились бы средства сбывать худыхъ крестьянъ или дворовыхъ людей съ пользою для себя и для общества; лѣнивый, невоздержный исправился бы въ строгой школѣ воинской; а работящій, трезвый, остался бы за сохою. Примѣръ также имѣлъ бы спасительное дѣйствіе: иной унялся бы отъ пьянства, зная, что господинъ можетъ продать его въ рекруты. Чѣмъ теперь владѣлецъ мелкопомѣстный, коему нѣтъ очереди рекрутской, устрашитъ крестьянъ распутныхъ? Палкою? Изнурительнымъ трудомъ? Не полезнѣе ли имъ страшиться палки въ ротѣ? Скажутъ, что нынѣ у насъ лучше солдаты, но справедливо ли? Я спрашивалъ у Генераловъ, они сего не примѣтили. По крайней мѣрѣ видно то, что крестьяне стали хуже въ селеніяхъ. Отецъ трехъ, иногда двухъ сыновей, заблаговременно готовитъ одного изъ нихъ въ рекруты и не женитъ его; сынъ знаетъ свою долю и пьянствуетъ, ибо добрымъ поведеніемъ не спасетъ себя отъ солдатства. Законо-

датель долженъ смотрѣть на вещи съ разныхъ сторонъ, а не съ одной; иначе, пресѣкая зло, можетъ сдѣлать еще болѣе зла.

Такъ нынѣшнее Правительство имѣло, какъ увѣряютъ, намѣреніе дать господскимъ людямъ свободу. Должно знать происхожденіе сего рабства. Въ 9, 10, 11 вѣкѣ были у насъ рабами одни холопы, т. е., или военноплѣнные и купленные чужеземцы, или преступники, законами лишенные гражданства, или потомки ихъ, но богатые люди, имѣя множество холопей, населяли ими свои земли: вотъ первыя, въ нынѣшнемъ смыслѣ, крѣпостныя деревни. Сверхъ того владѣлецъ принималъ къ себѣ вольныхъ хлѣбопашцевъ въ кабалу на условіяхъ болѣе или менѣе стѣснявшихъ ихъ естественную и гражданскую свободу; нѣкоторые, получая отъ него землю, обязывались и за себя и за дѣтей своихъ служить ему вѣчно: вторая причина сельскаго рабства. Другіе же крестьяне, и большая часть, нанимали землю у владѣльцевъ только за деньги, или за опредѣленное количество хлѣба, имѣя право по истеченіи урочнаго времени идти въ другое мѣсто. Сіи свободные переходы имѣли свое неудобство: вельможи и богатые люди сманивали къ себѣ вольныхъ крестьянъ отъ владѣльцевъ малосильныхъ, которые оставаясь съ пу-

стыми землями, лишались способа платить государственныя повинности. Царь Борисъ отнялъ первый у всѣхъ крестьянъ волю переходить съ мѣста на мѣсто, т. е. укрѣпилъ ихъ за господами: вотъ начало общаго рабства. Сей уставъ измѣнялся, ограничился, имѣлъ исключенія и долгое время служилъ поводомъ къ тяжбамъ, наконецъ утвердился во всей силѣ и древнее различіе между крестьянами и холопями совершенно изчезло. Слѣдуетъ: 1) что нынѣшніе господскіе крестьяне не были никогда владѣльцами, т. е., не имѣли собственной земли, которая есть законная, неотъемлемая собственность дворянъ. 2) Что крестьяне холопскаго происхожденія также законная собственность дворянская и не могутъ быть освобождены лично безъ особеннаго нѣкотораго удовлетворенія помѣщикамъ. 3) Что одни вольные, Годуновымъ укрѣпленные за господами земледѣльцы могутъ по справедливости требовать прежней свободы; но какъ 4) мы не знаемъ нынѣ, которые изъ нихъ происходятъ отъ холопей, которые отъ вольныхъ людей, то законодателю предстоитъ не малая трудность въ распутываніи сего узла Гордіева, если онъ не имѣетъ смѣлости разсѣчь его, объявивъ, что всѣ люди равно свободны, потомки военнопленныхъ, куп-

ленныхъ, законныхъ невольниковъ и потомки крѣпостныхъ земледѣльцевъ, что первые освобождаются правомъ естественнымъ, также какъ вторые правомъ Монарха Самодержавнаго, — отмѣнять Уставы своихъ предшественниковъ. Не вступая въ дальнѣйшій споръ, скажемъ только, что въ государственномъ общежитіи право естественное уступаетъ гражданскому, и что благоразумный Самодержавецъ отмѣняетъ единственно тѣ Уставы, которые дѣлаются вредными или недостаточными и могутъ быть замѣнены лучшими.

Что значитъ освободить у насъ крестьянъ? дать имъ волю жить, гдѣ угодно, отнять у господъ всю власть надъ ними, подчинить ихъ одной власти Правительства. Хорошо; но сіи земледѣльцы не будутъ имѣть земли, которая, въ чемъ не можетъ быть спора, есть собственность дворянская. Они, или останутся у помѣщиковъ, съ условіемъ платить имъ оброкъ, обработывать господскія поля, доставлять хлѣбъ куда надобно, однимъ словомъ, для нихъ работать какъ и прежде, или недовольные условіями пойдутъ къ другому умѣреннѣйшему въ требованіяхъ владѣльцу. Въ первомъ случаѣ, надѣясь на естественную любовь человѣка къ родинѣ, господа не предпишутъ ли имъ самыхъ тягостныхъ условій? Дотолѣ щадили они

въ своихъ крестьянахъ свою собственность; тогда корыстолюбивые владѣльцы захотятъ взять съ нихъ все возможное для силъ физическихъ, на пишутъ контрактъ и земледѣльцы не исполнятъ его: тяжбы, вѣчныя тяжбы. Во второмъ случаѣ, буде крестьянинъ нынѣ здѣсь, а завтра тамъ, казна не потерпитъ ли убытка въ сборѣ подушныхъ денегъ и другихъ податей, не потерпитъ ли и земледѣліе! Не останутся ли многія житницы пустыми? Не вольные земледѣльцы, а дворяне наиболѣе снабжаютъ у насъ рынки хлѣбомъ. Иное зло: уже не завися отъ суда помѣщиковъ, рѣшительнаго безденежнаго, крестьяне начнутъ ссориться между собою и судиться въ городѣ; какое раззорѣніе! Освобожденные отъ надзора господъ, имѣвшихъ собственную земскую исправу или полицію, гораздо дѣятельнѣйшую всѣхъ Земскихъ Судовъ, станутъ пьянствовать, злодѣйствовать: какая богатая жатва для кабаковъ и мздоимныхъ Исправниковъ, но какъ худо для нравовъ и Государственной безопасности! Однимъ словомъ, теперь дворяне, разсѣянные по всему Государству, содѣйствуютъ Монарху въ храненіи тишины и благоустройства: отнявъ у нихъ сію власть блюстительную, онъ какъ Атласъ, возметъ себѣ Россію на рамена — удержитъ ли? — паденіе страш-

но. Первая обязанность Государя есть блюсти внутреннюю и внѣшнюю цѣлость Государства; благотворить состояніямъ и лицамъ есть уже вторая. Онъ желаетъ сдѣлать земледѣльцевъ счастливѣе свободою; но ежели сія свобода вредна для Государства? и будутъ ли земледѣльцы счастливы освобожденные отъ власти господской, но преданные въ жертву ихъ собственнымъ порокамъ, откупщикамъ и судьямъ безсовѣстнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что крестьяне благоразумнаго помѣщика, который довольствуется умѣреннымъ оброкомъ, или десятиною пашни на тягло, счастливѣе казенныхъ, имѣя въ немъ бдительнаго попечителя и заступника. Не лучше ли подъ рукою взять мѣры для обузданія господъ жестокихъ? Они извѣстны Начальникамъ Губерній. Если послѣдніе вѣрно исполняютъ свою должность, то первыхъ скоро не увидимъ; а ежели не будетъ въ Россіи умныхъ и честныхъ Губернаторовъ, то не будетъ благоденствія и для поселянъ вольныхъ. Не знаю, хорошо ли сдѣлалъ Годуновъ, отнявъ у крестьянъ свободу, (ибо тогдашнія обстоятельства не совершенно извѣстны) но знаю, что теперь имъ неудобно возвратить оную. Тогда они имѣли навыкъ людей вольныхъ, нынѣ имѣютъ навыкъ рабовъ; мнѣ кажется, что для твердости бытія Государственнаго, безопас-

нѣе порабощать людей, нежели дать имъ не во́время свободу, для которой надобно готовить человѣка исправленіемъ нравственнымъ; а система нашихъ винныхъ откуповъ, и страшные успѣхи пьянства служатъ ли къ тому спасительнымъ приготовленіемъ? Въ заключеніе скажемъ доброму Монарху: „Государь! Исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое прежде тебя существовало (положимъ, что неволя крестьянъ и есть рѣшительное зло), — но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ уставовъ.“

Не осуждаю Александрова закона, дающаго право селеніямъ откупаться отъ господъ съ ихъ согласія, но многія ли столь богаты? Многіе ли захотятъ отдать послѣднее за вольность? Крестьяне человѣколюбыхъ владѣльцевъ довольны своею участію; крестьяне худыхъ — бѣдны: то и другое мѣшаетъ успѣху сего закона.

Къ важнѣйшимъ дѣйствіямъ нынѣшняго царствованія относятся мѣры, взятыя для уравненія доходовъ съ расходами, для приведенія въ лучшее состояніе торговли и вообще Государственнаго хозяйства. Двѣ несчастныя войны Французскія, Турецкая и въ особенности Шведская, заставили казну умножить количество ассигнацій; случилось

необходимое: цѣны на вещи возвысились и курсъ упалъ; а разрывъ съ Англіею довершилъ сіе бѣдствіе. Грузные товары наши могутъ быть единственно отпускаемы моремъ, число иностранныхъ кораблей въ Россійскихъ гаваняхъ уменьшилось, а произведенія фабрикъ Европейскихъ входили къ намъ и моремъ и сухимъ путемъ. Изчезло всякое равновѣсіе между ввозомъ и вывозомъ. Таково было состояніе вещей, когда показался Манифестъ о налогахъ; вмѣсто того, чтобы сказать просто: необходимое умноженіе казенныхъ расходовъ, требуетъ умноженія доходовъ, а новыхъ ассигнацій не хотимъ выпускать, Правительство торжественно объявило намъ, что ассигнаціи не деньги, но составляютъ необъятную сумму долговъ Государственныхъ, требующихъ платежа металломъ, коего нѣтъ въ казнѣ!... Слѣдствіемъ было новое возышеніе цѣнъ на всѣ вещи и паденіе курса. Первое отъ новыхъ налоговъ, второе отъ уменьшенія довѣренности иноземцевъ къ нашимъ ассигнаціямъ, торжественно оглашеннымъ сомнительными векселями. Скажемъ о томъ и другомъ нѣсколько словъ.

Умножать государственные доходы новыми налогами есть способъ весьма ненадежный и только временный. Земледѣлецъ, заводчикъ, фабрикантъ,

обложенные новыми податями, всегда возвышаютъ цѣны на свои произведенія, необходимыя для казны, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ открываются въ ней новые недостатки. Напримѣръ, за что Коммисаріатъ платилъ въ началѣ года 10/т руб., за то, въ слѣдствіе прибавленныхъ налоговъ, подрядчики требуютъ 15/т руб. Опять надобно умножать налоги и такъ до безконечности. Государственное хозяйство не есть частное: я могу сдѣлаться богаче отъ прибавки оброка на крестьянъ моихъ, а Правительство не можетъ, ибо налоги его суть общіе и всегда производятъ дороговизну. Казна богатѣетъ только двумя способами: размноженіемъ вещей, или уменьшеніемъ расходовъ, промышленностію или бережливостію. Если годъ отъ года будетъ у насъ болѣе хлѣба, суконъ, кожъ, холста, то содержаніе арміи должно стоить менѣе, а тщательная экономія бочаче золотыхъ рудниковъ. Милліонъ, сохраненный въ казнѣ за расходами, обращается въ два; милліонъ, налогомъ пріобрѣтенный, уменьшается нынѣ въ половину, завтра будетъ нулемъ. Искренно хваля Правительство за желаніе способствовать въ Россіи успѣхамъ земледѣлія и скотоводства, похвалимъ ли за бережливость? Гдѣ она? Въ уменьшеніи Дворцовыхъ расходовъ? Но бережливость Государя не

есть государственная: Александра называютъ даже скупымъ; но сколько изобрѣтено новыхъ мѣстъ, сколько чиновниковъ ненужныхъ! Здѣсь три Генерала стерегутъ туфли Петра Великаго; тамъ одинъ человѣкъ беретъ изъ пяти мѣстъ жалованье, всякому столовыя деньги, множество пенсій излишнихъ; даютъ въ займы безъ отдачи и кому? богатѣйшимъ людямъ; обманываютъ Государя проэктами, заведеніями на бумагѣ, что бы грабить казну, непрестанно на государственное иждивеніе ѣздятъ Инспекторы, Сенаторы, чиновники, не дѣлая ни малѣйшей пользы своими объѣздами, всѣ требуютъ отъ Императора домовъ и покупаютъ оные двойною цѣною изъ суммъ государственныхъ, будто бы для общей, а въ самомъ дѣлѣ для частной выгоды, и проч. и проч. Однимъ словомъ отъ начала Россіи не бывало Государя столь умѣреннаго въ своихъ особенныхъ расходахъ, какъ Александръ, и царствованія, столь расточительнаго, какъ его. Въ числѣ такихъ несообразностей замѣтимъ, что мы, предписывая дворянству бережливость въ Указахъ, видимъ Гусарскихъ армейскихъ офицеровъ въ мундирахъ, облитыхъ серебромъ и золотомъ! Сколько жалованья симъ людямъ? и чего стоитъ мундиръ? Полки красятся не одеждою, а дѣлами. Мало остановить

нѣкоторыя казенныя строенія и работы, мало сберечь тѣмъ 20/м: не надобно тѣшить безстыднаго корыстолюбія многихъ знатныхъ людей, надобно бояться всякихъ новыхъ штатовъ, уменьшить число тунеядцевъ на жалованье, отказывать невѣждамъ, требующимъ денегъ для мнимаго успѣха наукъ, и, гдѣ можно, ограничить роскошь самыхъ частныхъ людей, которые въ нынѣшнемъ состояніи Европы и Россіи вреднѣе прежняго для Государства.

Обратимся къ ассигнаціямъ. Многіе простодушные, впрочемъ неглупые люди, до нынѣ думаютъ, что совѣтники Правительства въ семъ случаѣ имѣли свои тайные виды и хотѣли умышленно повредить государственному кредиту. Я изъясняю себѣ загадку, какъ и въ другихъ случаяхъ, одною извѣстною хвастливостію неосновательныхъ умовъ и неменѣе извѣстною ихъ охотою умничать. Доселѣ назывались въ Россіи государственными долгами только тѣ суммы, которыя наше Правительство занимало въ Голландіи, или въ другихъ земляхъ; никто не причислялъ ассигнацій къ онымъ и всякій считалъ ихъ деньгами, ибо онѣ служили какъ деньги въ куплѣ. Жители Мальдивскихъ острововъ не знаютъ иной монеты кромѣ ничтожныхъ раковинъ, имѣя тор-

говлю внутреннюю и внѣшнюю. Кто даетъ цѣну деньгамъ? Правительство, объявляя, что оно будетъ принимать ихъ въ дань народную вмѣсто такихъ и такихъ вещей. Еслибы Государь далъ намъ клейменыя щепки и велѣлъ ходить имъ вмѣсто рублей, нашедши способъ предохранить насъ отъ фальшивыхъ монетъ деревянныхъ, то мы взяли бы и щепки. Монеты введены не для дѣланія изъ нихъ сосудовъ, пуговицъ, табакерокъ, но для оцѣнки вещей и сравненія ихъ между собою. Пусть металлическая монета, какъ доказываютъ Бюшъ и другіе, есть наилучшая, уже бывъ извѣстною и во времена Іова; но сильное Государство, богатое вещами, должно ли признать себя нищимъ, должно ли не имѣть ни арміи, ни флотовъ для того, что у него по обстоятельствамъ нѣтъ въ избыткѣ ни серебра, ни золота? Самое золото имѣетъ гораздо болѣе вообразительнаго, нежели внутренняго достоинства. Кто бы за его блёсточку отдалъ зимою теплую шубу, если бы оно цѣнилось только по своей собственной пользѣ? Но отдаю шубу и беру блесточку, когда могу обойтись безъ первой, а на вторую купить себѣ кафтанъ. Если мнѣ даютъ кафтанъ и за бумажку, то бумажка и блесточка для меня равно драгоцѣнны. Ассигнаціи уменьшаются въ цѣнѣ отъ своего размноженія; золото

и серебро также. Открытіе Америки произвело въ оцѣнкѣ товаровъ дѣйствіе подобное тому, что видимъ нынѣ въ Россіи отъ ассигнацій. Сей законъ соразмѣрности не перемѣненъ отъ IX до XIV вѣка; предки наши не имѣли собственной металлической монеты, а единственно кожаные, Правительствомъ заклеймованные лоскутки, называемые кунами, т. е. ассигнаціями и торговали съ Востокомъ и Западомъ, съ Греціею, съ Персіею, съ Нѣмецкою Ганзою; отъ IX в. до 1226 года лоскутки сіи не уменьшались въ цѣнѣ относительно къ серебру, ибо Правительство не расточало ихъ, но унизились до крайности, бывъ послѣ того размножены неумѣренно. Достойно примѣчанія, что сіи кожаныя ассигнаціи были у насъ замѣнены серебряною и мѣдною монетою въ самыя мятежныя и варварскія времена ига Ханскаго, когда Баскаки уважались болѣе Князей. Татары не хотѣли брать кунъ, а требовали серебра: Россіянинъ могъ откупиться отъ мукъ, отъ смерти, отъ неволи кускомъ сего металла; отдавалъ за него все, что имѣлъ и съ презрѣніемъ отвергалъ куны, такъ что онѣ сами собою долженствовали исчезнуть. Прежде серебро шло въ Кіевъ изъ Греціи, послѣ въ Новгородъ изъ Сибири чрезъ Югорію, туда же изъ Нѣмецкой земли, чрезъ города Ган-

зеатическіе, наконецъ въ Москву изъ самой Орды, съ коею мы завели торговлю. Количество добываемыхъ купечествомъ металловъ было столь невелико, что Россіяне, отмѣнивъ куны внутри Государства, долженствовали большею частію мѣняться вещами: дѣло весьма неблагопріятное для успѣховъ торговли и слѣдствіе варварства! Царь Іоаннъ Васильевичъ истощилъ казну многими дотолѣ необыкновенными расходами и видя недостатокъ серебра, снова думалъ ввести кожаныя деньги. Хотя торговля съ Англіею и пріобрѣтеніе богатой Сибири съ ея рудниками надѣляли насъ изрядным количествомъ металловъ, однакожъ Петръ Великій нуждался въ оныхъ и серебро въ Россіи было тогда дороже, нежели въ другихъ земляхъ Европейскихъ; почему купцы иноземные охотно привозили къ намъ червонцы и талеры. Не смотря на то рѣдкость денегъ препятствовала успѣхамъ торговли внутри Государства: изъ самыхъ отдаленныхъ Губерній возили въ столицу сухимъ путемъ хлѣбъ и другія дешевыя вещи, ибо не могли ихъ продавать на мѣстѣ. Въ Петербургѣ, въ Архангельскѣ, въ Москвѣ сыпалось золото и серебро; въ Симбирскѣ, Пензѣ, Воронежѣ едва показывалось. Въ бумагахъ временъ Императрицы Анны и правительницы видимъ жалобы умнѣй-

шихъ изъ Россійскихъ Министровъ на великой недостатокъ въ легкой монетѣ: Остерманъ предполагалъ нѣсколько разъ закупить большое количество серебра въ Голландіи, не имѣвъ мысли объ ассигнаціяхъ и едва ли знавъ, что Россія въ новомъ государственномъ порядкѣ Европы первая и столь долго употребляла оныя. Наконецъ Екатерина II изданіемъ ассигнацій сперва изумила, но скоро облегчила народъ во всѣхъ платежахъ и торговыхъ сдѣлкахъ. Увидѣли удобность и пользу. Дотолѣ заемные и купеческіе обороты производились у насъ векселями, съ сего времени ассигнаціи заступили мѣсто векселей и распространили внутреннюю торговлю. Правительство обязывалось выдавать металлическія деньги за оныя; но знаю, что публика однажды на всегда удостовѣренная въ дѣйствительности бумажекъ, станетъ требовать отъ Банка единственно малыхъ суммъ, нужныхъ для мелочныхъ расходовъ. Такъ и было въ царствованіе Екатерины къ пользѣ государственной и народной; казна пріобрѣла знатный капиталъ и могла въ чрезвычайныхъ случаяхъ обходиться безъ умноженія податей; народъ пересталъ нуждаться въ деньгахъ и серебро, уже менѣе необходимое, долго держалось въ одной цѣнѣ съ ассигнаціями, послѣ возвысилось бездѣлицею,

потомъ болѣе и наконецъ въ полтора раза, вмѣстѣ съ постепеннымъ возвышеніемъ всѣхъ иныхъ цѣнъ; необходимое слѣдствіе прибавки 200/м. къ денежной суммѣ, бывшей у насъ дотолѣ въ обращеніи. Гдѣ мало денегъ, тамъ вещи дешевы, гдѣ много первыхъ, тамъ послѣднія дороги. Серебряная монета, замѣненная ассигнаціями, сдѣлалась въ отношеніи къ нимъ дороже, не какъ монета, предпочитаемая бумажкамъ, но какъ товаръ. Стали замѣчать общую дороговизну, которая однакожъ не выходила изъ мѣры и не была рѣшительнымъ зломъ. Справедливо жаловались на Правительство, когда оно въ послѣдніе годы Екатеринина царствованія не могло удовлетворить народному требованію въ выдачѣ мелкой размѣнной монеты. Время Павлово не произвело никакой важной перемѣны въ государственномъ хозяйствѣ, ибо казна не умножала ассигнацій; но въ нынѣшнее царствованіе излились оные рѣкою, и вещи удвоились, утроились въ цѣнѣ. Не осуждаемъ Правительство за выпускъ, можетъ быть 500/м. бумажныхъ рублей. Находились ли иные, лучшіе способы для удовлетворенія государственнымъ потребностямъ? — Не знаю, даже сомнѣваюсь. Но когда сдѣлалось неминуемое зло, то надобно размыслить и взять мѣры въ тишинѣ, не бить въ

набатъ — отъ чего зло увеличивается. Пусть Министры будутъ искренни предъ лицомъ одного Монарха, а не предъ народомъ: сохрани Боже, если они будутъ слѣдовать иному правилу: обманывать Государя и сказывать всякую истину народу! Объявите, что отъ нынѣ фабрика ассигнаціонная останется безъ дѣла. Хорошо, но къ чему толковать слова: „Объявителю платитъ Государственный Банкъ“ и проч. Я позволилъ бы сказать вамъ, что ассигнаціи не деньги, если бы вы могли отворить Банки и ящики, наполненные серебромъ, для вымѣна бумажекъ; позволилъ бы сказать, что ассигнаціи не деньги, если бы у насъ были другія; какія же? Серебряныя, мѣдныя? Сколько ихъ теперь въ Россіи, и думаете ли, что бѣдная сумма оныхъ могла бы удовольствовать Государство въ торговыхъ его оборотахъ. Въ древней Россіи ходили куны вмѣстѣ съ серебромъ и золотомъ, въ новой — ходятъ ассигнаціи вмѣстѣ съ металлами, тогда и нынѣ рѣдкими, кожаный лоскутъ не лучше бумажнаго, но древніе князья Кіевскіе, Славянскіе, Новгородскіе не изъясняли народу, что куны векселя и Россія 500 л. довольствовалась оными, благословляя сіе счастливое изобрѣтеніе; привычка сильнѣе мудрованія! Не смотря на вексельную форму ассигнацій, мы не

считали Государя должникомъ своимъ, не ждали отъ него платы за бумажки, не освѣдомлялись о состояніи казны, будучи довольны тѣмъ, что мы имѣли за нихъ всѣ вещи по желанію. Пусть ассигнаціи вексель, но государственный, совсѣмъ отличный отъ купеческаго или гражданскаго. Правительство пускаетъ ихъ въ обращеніе подъ видомъ векселей; но вошедши въ общее употребленіе, онѣ уже дѣлаются монетою тамъ, гдѣ нѣтъ иной въ достаточномъ количествѣ. Необходимость есть законъ для Правительства и народа. Если бы купецъ сказалъ о своихъ заемныхъ письмахъ то, что въ Манифестѣ сказано объ ассигнаціяхъ; если бы онъ объявилъ торжественно, что надавалъ ихъ непомѣрное множество и крайне заботится о слѣдствіяхъ; — едва ли бы кто на другой день согласился продать ему свое имѣніе на вексель; а за наши ассигнаціи и теперь продаютъ все. Онѣ унизились цѣною въ отношеніи къ вещамъ не для того, чтобы лишились довѣрія, или кредита, но слѣдуя общему закону соразмѣрности между вещами и деньгами; однимъ словомъ, вопреки Манифесту, ассигнаціи и теперь остаются у насъ деньгами, ибо иныхъ не имѣемъ; но купцы иноземные, купцы гораздо умнѣйшіе Россіянъ въ языкѣ и въ признакѣ государственнаго банкрот-

ства, усумнились имѣть дѣла съ нами, курсъ упадалъ болѣе и болѣе, уменьшая цѣну Россійскихъ произведеній для иноземцевъ и возвышая оную для насъ самихъ.

Что сказать о такъ называемомъ разумѣ Манифеста, всюду разосланномъ вмѣстѣ съ онымъ? Надобно, что бы разумъ Манифеста находился въ самомъ Манифестѣ, а не въ особенномъ твореніи какого нибудь школьника-Секретаря, который съ смѣшною важностію толкуетъ самъ слова повтореніемъ ихъ, или перестановкою, гордо объявляя, что одни слабоумные считаютъ нужнымъ перелить монету сообразно съ ея нынѣшнею цѣною и что пудъ мѣди, стоющій во всѣхъ другихъ вещахъ 40 р. въ деньгахъ долженъ ходить за 16 руб.; ибо если мы изъ мѣднаго рубля сдѣлаемъ два, то всѣ удвоятся. Нѣтъ, г. изъяснитель, мѣдная монета есть у насъ только размѣнная, въ коей мы теперь имѣемъ крайнюю нужду и которая уменьшается отъ тайнаго переплавливанія въ вещи, или отъ вывоза въ чужія земли. Не надобно изъ рубля мѣди безъ необходимости дѣлать десяти, что бы не было фальшивой монеты, но не должно дѣлать и 16 изъ 40, чтобы монету не переплавливали въ кубы и проч. Ни въ какомъ государствѣ металлы не ходятъ ниже своей цѣны. Вопреки

сему рузуму Правительство уставило перемѣнить мѣдную монету и сдѣлать изъ 16 р. 24 р.; для чего же не 40, не 50? Не такъ легко дѣланіе фальшивой монеты, если бы мѣдь чрезъ нѣсколько времени и весьма унизилась въ цѣнѣ, чему доказательствомъ служитъ собственный нашъ примѣръ, когда мѣдныя деньги со временъ Петра Великаго ходили въ Россіи несравненно выше своего внутренняго достоинства. Всѣ жалуются на Правительство, что оно, имѣя дѣйствительно способъ доставить намъ все нужное для размѣна количество мѣдной монеты, позволяетъ мѣновщикамъ грабить людей. Торгуютъ даже и мелкими ассигнаціями: неужели Совѣтникамъ Банка трудно ихъ подписывать, или жаль бумаги?

Я развертывалъ книги о Государственномъ хозяйствѣ, слыхалъ какъ люди ученые судятъ о нынѣшнемъ хозяйственномъ состояніи Россіи и замѣчалъ болѣе словъ, нежели мыслей, болѣе мудрованій, нежели ясныхъ понятій. Зло не такъ велико какъ думаютъ. Все дорого, правда, но съ умноженіемъ расходовъ, не прибавились ли и доходы? Владѣлецъ, имѣющій деревни на пашнѣ, или фабрики, не терпитъ нужды отъ дороговизны, купцы также; господинъ оброчныхъ крестьянъ терпитъ болѣе, или менѣе, денежные капиталисты

и люди живущіе жалованьемъ болѣе всѣхъ терпятъ. Сравнивая выгоды и невыгоды, вижу, что нынѣшняя дороговизна есть вообще зло, а какъ она произошла отъ умноженія ассигнацій, то надобно ли уменьшить ихъ количество?

„Надобно,“ думаетъ Правительство и взяло мѣры учредить Заемный Банкъ и продаетъ казенныя имѣнія.... Желательно, чтобъ сіе намѣреніе не совсѣмъ исполнилось; иначе явится другое зло, которое въ теченіи минувшаго лѣта едвали кто нибудь могъ предвидѣть?

Цѣны на вещи возвысились не только по соразмѣрности прибавляемыхъ ассигнацій, но и по вѣроятностямъ будущаго ихъ выпуска, также въ слѣдствіе новыхъ податей и низкаго курса. Дороговизна ежедневно возрастала. Въ Пятницу хотѣли взять за товаръ болѣе нежели въ Четвергъ; въ Субботу болѣе нежели въ Пятницу, слѣдуя иногда привычкѣ и вкусу слѣпаго корыстолюбія. Уже не дѣйствуетъ сила, приведшая въ дѣйствіе шаръ, но шаръ еще катится, вѣрятъ и не вѣрятъ, что бы казна перестала издавать новыя ассигнаціи. Наконецъ открывается нечаянность: большая нужда въ деньгахъ т. е. въ ассигнаціяхъ! Купцы въ Москвѣ съ изумленіемъ спрашиваютъ другъ у друга, куда онѣ дѣвались и предлагаютъ

заимодавцамъ три процента на мѣсяцъ. Ассигнацій не убыло, но по дороговизнѣ дѣлается мало, т. е., излишне высокія цѣны въ послѣднее время вышли изъ соразмѣрности съ суммою оныхъ. Купецъ имѣлъ прежде 10/т р. въ капиталѣ, нынѣ имѣетъ 15/т р., но какъ цѣна покупаемаго ими товара удвоилась, то онъ, чтобы не уменьшить своей торговли, долженъ занять 5/т рублей.

Если казна посредствомъ Банка и продажи имѣній вынетъ теперь изъ обращенія милліоновъ двѣсти, увидимъ страшный недостатокъ въ деньгахъ; винные откупщики раззорятся; крестьяне не заплатятъ оброку господину, купцы не купятъ или не продадутъ товара, найдется недоимка въ казенныхъ сборахъ. Не думайте, что бы вдругъ оказалась дешевизна: нѣтъ, первые продавцы не скоро уступятъ вамъ вещь за половину ея бывшей цѣны, но сдѣлается остановка въ торговлѣ и въ платежахъ. Неудовольствіямъ, жалобамъ не будетъ конца, и многіе скажутся банкротами прежде, нежели установится новый порядокъ въ оцѣнкѣ вещей, соразмѣрной съ количествомъ денегъ въ Государствѣ. Великіе переломы опасны. Вдругъ уменьшить количество бумажекъ также вредно, какъ и вдругъ умножить оное. Что же сдѣлать? не выпускать ихъ болѣе: сего довольно; цѣны спадутъ

безъ сомнѣнія, ибо возвысились не соразмѣрно съ прибавленіемъ ассигнацій, какъ мы сказали, но спадутъ постепенно, безъ кризиса, если Россія не будетъ имѣть какихъ нибудь несчастій.

Вторая мысль Заемнаго Банка, или такъ называемаго погашенія долговъ, есть унизить серебро обѣщаніемъ уплатить чрезъ нѣсколько лѣтъ рубль симъ металломъ за два бумажные. Если бы внести въ сей Банкъ милліоновъ двѣсти, то Правительство нашлось бы въ крайнемъ затрудненіи по истеченіи срока: не легко приготовить сто милліоновъ серебромъ для расплаты! Къ счастію взносъ невеликъ, ибо у насъ нѣтъ праздныхъ капиталовъ, но достохвально ли учрежденіе, коему, для государственнаго блага, нельзя желать успѣха? Авторъ кажется полагалъ, что въ теченіи 6 лѣтъ рубль серебряный унизится, напр. до 1 р. 50 к. ассигн., и что заимодавцы съ радостью возьмутъ всю сумму бумажками. Хорошо, а если того не будетъ? Замѣтимъ, что цѣна серебра возвысилась у насъ гораздо болѣе иныхъ цѣнъ. Куль муки за 4 года предъ симъ стоилъ въ Москвѣ $4\frac{1}{2}$ р., а теперь стоитъ менѣе $2\frac{1}{2}$. Возьмите въ примѣръ и другія Россійскія произведенія: за все платите серебромъ почти вдвое менѣе прежняго; виною то, что умножился расходъ онаго для содержанія

Россійскихъ армій и для тайной покупки иноземныхъ товаровъ. Хотите ли уронить цѣну серебра? Не вымѣнивайте его для армій, уймите запрещенную торговлю, которая вся производится на звонкую монету; дайте намъ болѣе размѣнныхъ денегъ, или вы хотите невозможнаго. Теперь дороговизна благородныхъ металловъ убыточна для народа, и для казны и богатыхъ людей, имѣющихъ нужду въ иноземныхъ товарахъ, коихъ цѣна возвышается по цѣнѣ серебра. У насъ ходитъ оно только въ столицахъ, въ городахъ пограничныхъ, въ приморскихъ: внутри Россіи не видятъ и не спрашиваютъ его, въ противность сказанному въ Манифестѣ, что единственная Россійская Банковая монета есть рубль серебряный; нѣтъ, серебро у насъ товаръ, а не деньги.

Для внѣшней законной торговли также не требуется металловъ. Англичанину нѣтъ нужды, какія ходятъ у насъ деньги, мѣдныя ли, золотыя или бумажныя; если онъ за лоскутокъ бумаги получаетъ у насъ вещь, за которую сходно ему дать свою вещь, цѣною въ гинею, то Англійская гинея будетъ равняться въ курсѣ съ Россійскою бумажкою, ибо торговля Государствъ основана въ самомъ дѣлѣ на мѣнѣ вещей. Не существенная, но торговая цѣна монетъ опредѣляетъ курсъ. Напр.

нашъ рубль уменьшился бы въ количествѣ своего металла, но если за него даютъ въ Россіи столько же вещей, какъ и прежде, то сія убывка въ существенной цѣнѣ рубля не имѣетъ вліянія на курсъ, буде нѣтъ иной причины къ упадку онаго. Но если деньги намъ нужнѣе въ чужихъ краяхъ, нежели иностранцамъ Россійскія, если болѣе впускаемъ, нежели выпускаемъ товаровъ, то курсъ нашъ упадаетъ. Сіи причины изъясняютъ какимъ образомъ рубль могъ обратиться въ 18 су, или въ 8 штиверовъ! Кромѣ уменьшенія цѣны бумажекъ внутри Государства и несоразмѣрности ввоза съ вывозомъ товаровъ, страхъ, что бы первыя еще болѣе не унизились, заставилъ многихъ купцовъ иностранныхъ, имѣвшихъ у насъ денежные капиталы, переводить оные въ Англію или въ другія мѣста.

Правительство наше крайне заботится о лучшемъ курсѣ, но хочетъ невозможнаго. Пока не возстановится свободная морская торговля, дотолѣ не будетъ равновѣсія въ привозѣ и вывозѣ товаровъ, не будетъ иностранцамъ нужды въ Русскихъ деньгахъ для закупки большаго количества нашихъ произведеній. Новымъ Манифестомъ о тарифѣ мы позволяемъ все вывозить, а многое для ввоза запрещаемъ; но много ли кораблей най-

демъ для перваго? Здѣсь видимъ новую неудобность. Позволяютъ напр. выпускъ шерсти, т. е. сводятъ иностранныхъ купцовъ съ здѣшними: бой весьма неравный. Иностранцу выгодно дать за пудъ ея два червонца какъ и прежде; тогда червонецъ стоилъ $3^1/_2$, а теперь онъ стоитъ 12 р., слѣд. и мы, имѣя въ шерсти необходимую надобность для дѣланія суконъ, будемъ давать за пудъ 25 р. — гораздо болѣе, нежели втрое, въ сравненіи съ прежнею цѣною и почти вдвое, въ сравненіи съ нынѣшнею! Теперь спрашиваемъ: намѣрено ли Правительство возвысить цѣну солдатскихъ суконъ въ Россіи? что должно быть неминуемымъ слѣдствіемъ вывоза шерсти. Если бы курсъ упалъ только соразмѣрно съ уменьшеніемъ цѣны бумажекъ въ Россіи, то мы могли бы безъ убытка купечествовать съ Европою и торговаться въ цѣнѣ нашихъ собственныхъ произведеній, но теперь Французы, Голландцы, Нѣмцы имѣютъ слишкомъ много выгодъ предъ нами и могутъ въ совмѣстномъ торгѣ раззорить покупщиковъ Русскихъ. Сошлемся на хитрыхъ Англичанъ: для общей пользы желая у себя дешевизны нѣкоторыхъ вещей, они запрещаютъ ихъ вывозъ. Отпускъ шерсти можетъ ли примѣтно возвысить цѣну ея въ Россіи. Давно ли Правительство употребляло

самыя несправедливыя средства, что бы имѣть дешево сукна для войска? На вольныя фабрики налагали оброкъ, давали хозяину самую малую цѣну, подчиняли его закону насилія; — теперь вдругъ казна подчиняетъ себя необходимости платить вдвое за сукна!

Мысль ограничить ввозъ товаровъ, по малому выходу нашихъ, весьма благоразумная. Я не сталъ бы жаловаться на Правительство, если бы оно вмѣстѣ съ сукнами, шолковыми и бумажными тканями, запретило и алмазы, табакъ, голландскія сельди, соленыя лимоны и проч. — Жалѣю только, что въ Манифестѣ не назначенъ срокъ для продажи запрещенныхъ товаровъ; подъ видомъ старыхъ увидимъ въ лавкахъ и вновь привозимые — разумѣется тайно. Не будетъ клейма — и фальшивые? А кто изъ покупщиковъ смотритъ на клеймо? Вообще надобно взять строжайшія мѣры противъ тайной торговли: она уноситъ милліоны. Всѣ говорятъ объ ней, но у знатныхъ таможенныхъ чиновниковъ уши завѣшены золотомъ! Другое зло то, что лавочники, неограниченные срокомъ для продажи, день ото дня возвышаютъ цѣну запрещенныхъ суконъ и тканей, а мы все покупаемъ, пока есть товаръ. Не надобно давать пищи столь алчному и безсовѣстному корыстолюбію!

Впрочемъ строгость начальства и вѣрность таможни сдѣлали бы нѣчто въ пользу нашего курса, но не многое: онъ бываетъ полезенъ единственно для такой земли, которая болѣе продаетъ, нежели покупаетъ, сверхъ того имѣетъ безопасное существованіе государственное, не боится ничего извнѣ и внутри, управляется духомъ твердаго порядка, не знаетъ опасныхъ перемѣнъ, не ждетъ ежеминутно указовъ о новыхъ мѣрахъ государственнаго хозяйства, не ждетъ новыхъ толкованій на ассигнаціи, новыхъ доказательствъ, что онѣ не суть деньги. Надобно не только отворить наши гавани для всѣхъ кораблей на свѣтѣ, надобно еще, что бы иностранцы захотѣли переводить къ намъ капиталы, мѣнять свои гинеи и червонцы на русскія ассигнаціи и не считали бы оныхъ подозрительными векселями.

Оставляя предметъ государственныхъ доходовъ, ассигнацій и торговли, упомяну о Манифестѣ, который, думаю, вышелъ въ 1806 году и въ коемъ опредѣляются права купеческихъ степеней, онъ названъ кореннымъ Уставомъ, долженствовалъ быть написанъ золотыми буквами на хартіи и положенъ въ хранилищѣ законовъ на память вѣкамъ. Не говорю о слогѣ, не говорю о порядкѣ мыслей, но страшнѣе всего, что законодатель, описавъ и

право выгоды каждой степени, отлагаетъ до другаго времени предложить обязанности или условія, на коихъ сіи права даны будутъ купечеству, а только издали стращать ихъ возвышеніемъ купеческихъ податей. На что же обнародовали сей Манифестъ, когда еще не время было сказать, что потребуется отъ желающихъ имѣть описанныя въ ономъ выгоды? Трудно угадать, а меланхолики говорили: „не трудно, — хотятъ безпокоить всѣ состоянія. Еще не выдумали налога, а спѣшатъ предвѣстить его и въ утѣшеніе обѣщаютъ право носить саблю.“ Но теперь у насъ есть Совѣтъ, гдѣ разсматриваются проэкты общихъ государственныхъ постановленій. Ожидаемъ впредь болѣе зрѣлости въ мысляхъ законодательныхъ.

Скоро увидимъ какъ основательна сія надежда? Книги общаго гражданскаго законодательства готовятся для Россіи.

Уже Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ видѣлъ недостатокъ Уложенія: вышли новыя статьи въ прибавленіе. Петръ Великій, все обнимая, хотѣлъ полной книги законовъ и собственною рукою написалъ о томъ Указъ Сенату, желая, чтобы правила оныхъ были утверждены по основательномъ разсмотрѣніи всѣхъ нашихъ и чужестранныхъ гражданскихъ уставовъ. Екатерина I нѣсколько разъ

побуждала Сенатъ заниматься симъ важнымъ дѣломъ; Петръ II указалъ изъ каждой губерніи прислать для онаго въ Москву по нѣскольку выборныхъ дворянъ, знающихъ, благомысленныхъ. Императрица Анна присоединила къ нимъ и выборныхъ изъ купечества, но Графъ Остерманъ въ наставленіи Правительницы говоритъ: „уже болѣе 20ти лѣтъ трудятся въ Сенатѣ надъ сочиненіемъ Книги Законовъ, и едва ли будетъ успѣхъ, если не составятъ особенной для того Коммиссіи изъ двухъ особъ духовныхъ, пяти или 6 дворянъ, гражданъ и нѣкоторыхъ искусственныхъ законовѣдцевъ.“ Прошло и царствованіе Елисаветы, миновалъ и блестящій вѣкъ Екатерины II, а мы еще не имѣли Уложенія, не смотря на добрую волю Правительства, на учрежденіе въ 1754 г. особенной законодательной Коммисіи, на планъ уложенія, представленный ею Сенату, не смотря на шумное засѣданіе депутатовъ въ Москвѣ, на краснорѣчивый Наказъ Екатерины II, испещренный выписками изъ Монтескьё и Бексарія. Чего не доставало? способныхъ людей. Были ли они въ Россіи, по крайней мѣрѣ ихъ не находили, можетъ быть худо искали.

Александръ, ревностный исполнить то, чего всѣ Монархи Россійскіе желали, образовалъ новую

Коммисію, набрали многихъ Секретарей, Редакторовъ, Помощниковъ, не сыскали только одного и самаго необходимѣйшаго: человѣка, способнаго быть ея душою, изобрѣсти лучшій планъ, лучшія средства и привести оныя въ исполненіе наилучшимъ образомъ. Болѣе года мы ничего не слыхали о трудахъ сей Коммисіи. Наконецъ Государь спросилъ у предсѣдателя и получилъ въ отвѣтъ, что медленность необходима; что Россія имѣла до толѣ одни Указы а не Законы, что велѣно переводить Кодексъ Фридриха Великаго. Сей отвѣтъ не давалъ большой надежды. Успѣхъ вещи зависитъ отъ яснаго, истиннаго объ ней понятія. Какъ! у насъ нѣтъ Законовъ, но только Указы? И Россія не Пруссія: къ чему послужитъ намъ переводъ Фридрихова Кодекса. Не худо знать его, но менѣе ли нужно знать и Юстиніановъ или Датскій единственно для общихъ соображеній, а не для путеводительства въ нашемъ особенномъ законодательствѣ. Мы ждали года два. Начальникъ перемѣнился, выходитъ цѣлый томъ работы предварительной: смотримъ и протираемъ себѣ глаза, ослѣпленные школьною пылью. Множество ученыхъ словъ и фразъ, почерпнутыхъ въ книгахъ, ни одной мысли, почерпнутой въ созерцаніи особеннаго гражданскаго характера Россіи..... Добрые

соотечественники наши не могли ничего понять, кромѣ того, что голова авторовъ въ лунѣ, а не въ землѣ Русской, и желали, что бы сіи умозрители или спустились къ намъ, или не писали для насъ законовъ. Опять новая декорація: видимъ законодательство въ другой рукѣ. Обѣщаютъ скорый конецъ плаванію и вѣрную пристань. Уже въ Манифестѣ объявлено, что первая часть законовъ готова, что немедленно будутъ готовы и слѣдующія. Въ самомъ дѣлѣ издаются двѣ книги подъ именемъ проэкта Уложенія. Что жъ находимъ? Переводъ Наполеонова Кодекса.

Какое изумленіе для Россіянъ! Какая пища для злословія! Благодаря Всевышняго, мы еще не подпали желѣзному скипетру сего завоевателя, у насъ еще не Вестфалія, не Италіанское Королевство, не Варшавское Герцогство, гдѣ Кодексъ Наполеоновъ, со слезами переведенный, служитъ уставомъ Гражданскимъ. Для того ли существуетъ Россія, какъ сильное Государство, около 1000 л.; для того ли около 100 л. трудимся надъ сочиненіемъ своего полнаго Уложенія, чтобы торжественно предъ лицомъ Европы признаться глупцами и подсунуть сѣдую нашу голову подъ книжку, слѣпленную въ Парижѣ 6ю или 7ю Эксъ-Адвокатами и Эксъ-Якобинцами? Петръ Великій лю-

билъ иностранное, однакоже не велѣлъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей, взять на примѣръ Шведскіе законы и назвать ихъ Русскими, ибо вѣдалъ, что законы народа должны быть извлечены изъ его собственныхъ понятій, нравовъ, обыкновеній, мѣстныхъ обстоятельствъ. Мы имѣли бы 9 Уложеній, если бы надлежало только переводить. Правда, благоразумные авторы сего проэкта иногда чувствуютъ невозможность писать для Россіянъ то, что писано во Французскомъ подлинникѣ, и дошедши въ переводѣ до главы о супружествѣ, о разводѣ, обращаются отъ Наполеона къ Кормчей книгѣ, но вездѣ видно, что они шьютъ намъ кафтанъ по чужой мѣркѣ. Кстати ли начинать напр., Русское Уложеніе главою о правахъ гражданскихъ, коихъ въ истинномъ смыслѣ не было и нѣтъ въ Россіи? У насъ только политическія или особенныя права разныхъ государственныхъ состояній, у насъ дворяне, купцы, мѣщане, земледѣльцы и проч., всѣ они имѣютъ свои особенныя права, общаго нѣтъ, кромѣ названія Русскихъ. Въ Наполеоновомъ Кодексѣ читано: participation aux droits civils ci-aprѣs, а далѣе говоритъ законодатель о правѣ собственности, наслѣдства, завѣщанія, вотъ гражданскія права во Франціи, но въ Россіи господскій и самый казенный земледѣлецъ

имѣетъ ли оныя, хотя и называется Русскимъ? Здѣсь мы только переводимъ и въ иныхъ мѣстахъ неясно: напр. въ подлинномъ сказано о человѣкѣ, лишенномъ правъ гражданскихъ: il ne peut procéder en justice, ni en défendant, ni en demandant, а въ переводѣ, что онъ не можетъ быть въ судѣ ни истцомъ, ни отвѣтчикомъ, слѣд. прибьетъ васъ, ограбитъ и за то не отвѣтствуетъ? Переводчики многое сокращаютъ: они бы могли выпустить и слѣдующія постановленія, ими сохраненныя, въ описаніи движимаго и недвижимаго имѣнія: Le glares d'un appartement sont censées mises à perpetuelle demeure, lorsque le parquet sur lequel elles sont attachées fait corps avec boiserie... Quant aux statues elles sont immeubles, lorsqu'elles sont placés dans une niche plastique exprés pour les recevoir, encore qu'elles puissent être enlevées sans fracture, ni deterioration. — Могли бы также не говорить объ Alluvion. Отъ начала Россіи еще не бывало у насъ тяжбы о сихъ предметахъ, и ни кто изъ Русскихъ, читая этотъ проэктъ, не догадался бы, что онъ читаетъ наше гражданское положеніе, если бы не стояло того въ заглавіи; все не по-русски, какъ вещи, такъ и предположеніе оныхъ; кто пойметъ для чего въ нашемъ учрежденіи опекъ быть Семейственному Совѣту? Но въ

семъ отдѣленіи Французскаго кодекса говорится о Conseil de famille? Кто пойметъ сію краткость въ важномъ, гдѣ не надобно жалѣть словъ для ясности и сію плодовитость въ описаніи случаевъ, совсѣмъ для насъ неизвѣстныхъ. Я слышалъ мнѣніе людей не глупыхъ: они думаютъ, что въ сихъ двухъ изданныхъ книжкахъ предполагается только содержаніе будущаго кодекса, съ означеніемъ нѣкоторыхъ мыслей; я не хотѣлъ выводить ихъ изъ заблужденія и доказывать, что это самый кодексъ, они не скоро бы мнѣ повѣрили. Такъ сія Наполеоновская форма законовъ чужда для понятія Русскихъ. Есть даже вещи смѣшныя въ проэктѣ, напр: „младенецъ, рожденный мертвымъ, не наслѣдуетъ.“ Если законодатель будетъ говорить подобныя истины, то наполнитъ оными сто, тысячу книгъ. Я искалъ сей аксіомы въ Code Napoléon и вмѣсто ея нашелъ: celui là n'est pas encore constitué, qui n'est pas ne viable. Здѣсь переводчики дѣлаются авторами. Не привязываюсь къ новымъ словамъ, однакоже скажу, что въ книгѣ законовъ странно писать о ложѣ рѣки (le lit de la rivière) вмѣсто желобовины русла. Самая выписка изъ нашихъ церковныхъ уставовъ о позволенныхъ бракахъ и разводахъ сдѣлана на скоро, напр: забыта главная вина развода: неспо-

собность къ тѣлесному совокупленію; вижу крайній страхъ авторовъ предлагать отмѣны въ дѣлахъ духовныхъ, не въ уложеніи надлежало бы по крайней мѣрѣ сказать, что Епископы въ своихъ Епархіяхъ могутъ, по усмотрѣнію, дозволять браки сомнительные свойствомъ жениха съ невѣстою; иначе въ небольшихъ деревняхъ скоро нельзя будетъ никому жениться отъ размноженія свойства. Хвалю законъ о раздѣлѣ имѣнія между братьями и сестрами, дѣтьми и родителями, уже давно предполагаемый общимъ мнѣніемъ. Не знаю можно ли сверхъ того похвалить что нибудь въ семъ проэктѣ.

Оставляя все другое, спросимъ: время ли теперь предлагать Россіянамъ законы Французскіе, хотя бы оные и могли быть удобно примѣнены къ нашему государственному состоянію? Мы всѣ такъ! Всѣ любящіе Россію, Государя, ея славу, благоденствіе, ненавидимъ сей народъ, обагренный кровію Европы, осыпанный прахомъ столь многихъ Державъ разрушенныхъ, и въ то время, когда имя Наполеона приводитъ сердца въ содраганіе, мы наложимъ его кодексъ на святой алтарь отечества.

Для стараго народа не надобно новыхъ законовъ: согласно съ здравымъ смысломъ, требуемъ

отъ Коммисіи систематическаго изложенія нашихъ. Русская Правда и Судебникъ, отживъ вѣкъ свой, существуютъ единственно какъ предметъ любопытства. Хотя Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича имѣетъ еще силу закона, но сколько и въ немъ обветшалаго, уже для насъ безсмысленнаго, непригоднаго? Остаются указы и постановленія, изданныя отъ временъ Царя Алексѣя до нашихъ: вотъ содержаніе кодекса! Должно распорядить матеріалы, отнести уголовное къ уголовному, гражданское къ гражданскому и сіи двѣ главныя части раздѣлить на статьи. Когда же всякій указъ будетъ подведенъ подъ свою статью, тогда начнется второе дѣйствіе: соединеніе однородныхъ вещей въ цѣлое, или соглашеніе Указовъ, для коего востребуется иное объяснить, иное отмѣнить, или прибавить, буде опыты судилищъ доказываютъ или противорѣчіе, или недостатокъ въ существующихъ законахъ. Третіе дѣйствіе есть общая критика законовъ: суть ли они лучшіе для насъ по нынѣшнему гражданскому состоянію Россіи? Здѣсь увидимъ необходимость исправить нѣкоторые, въ особенности уголовные, жестокіе, варварскіе: ихъ уже давно не исполняютъ: для чего же оные существуютъ къ стыду нашего законодательства.

Такимъ образомъ собранные, приведенные въ порядокъ, дополненные, исправленные законы, предложите въ формѣ книги систематически, съ объясненіемъ причинъ; нетолько описывайте случаи, но и всѣ другіе возможные рѣшите общими правилами, безъ коихъ нѣтъ полныхъ законовъ и которыя даютъ имъ высочайшую степень совершенства. Сихъ-то правилъ не достаетъ въ Уложеніи Царя Алексѣя и во многихъ Указахъ говорятъ: „если будетъ такой случай, рѣшите такъ;“ а если встрѣтите другой, неописанный законодателемъ? Надобно идти въ докладъ? Не умствуйте высокопарно, но разсуждайте, чтобъ просвѣтить судью; лучше, удобнѣе впечатлѣть ему въ память простыя начала, нежели многообразныя слѣдствія оныхъ. Русское право также имѣетъ свои начала, какъ и Римское, опредѣлите ихъ и вы дадите намъ систему законовъ. Сіе послѣднее дѣйствіе законодательства назову систематическимъ предложеніемъ. О порядкѣ матерій спорить много не буду; начнете ли съ гражданскихъ или уголовныхъ законовъ, съ людей или вещей, съ разсужденія или предписаній, но думаю, что лучше начать съ важнѣйшаго и послѣдовать не Кодексу Наполеонову, не Фридрихову, а Юстиніанову и Царя Алексѣя Михайловича. Оградите святынею

закона неприкосновенность церкви, Государя, чиновниковъ и личную безопасность всѣхъ Россіянъ; утвердите связи гражданскія между нами, потомъ займитесь цѣлостію собственности, наслѣдствами, куплею, завѣщаніями, залогами и проч., наконецъ дайте уставъ о производствѣ дѣлъ.

Сей трудъ великъ, но онъ такого свойства, что его нельзя поручить многимъ. Одинъ человѣкъ долженъ быть главнымъ, истиннымъ творцомъ Уложенія Россійскаго; другіе могутъ служить ему только совѣтниками. Здѣсь единство мысли необходимо для совершенства частей и цѣлаго, единство воли необходимо для успѣха. Или мы найдемъ такого человѣка, или долго будемъ ждать кодекса.

Есть и другой способъ. Мы говорили доселѣ о систематическомъ законодательствѣ: когда у насъ нѣтъ людей способныхъ для онаго, то умѣрьте свои требованія и вы сдѣлаете еще не малую пользу Россіи. Вмѣсто прогматическаго кодекса издайте полную, сводную книгу Россійскихъ законовъ или указовъ по всѣмъ частямъ суднымъ, согласивъ противорѣчія и замѣнивъ лишнее нужнымъ, чтобы судьи по одному случаю не ссылались и на Уложенія Царя Алексѣя Михайловича и на Морской Уставъ и на 20 Указовъ, изъ коихъ

иные въ самомъ Сенатѣ не безъ труда отыскиваются. Для сей сводной книги не требуется великихъ усилій разума, ни генія, ни отличныхъ знаній ученныхъ: не будемъ хвалиться ею въ Европѣ, но облегчимъ способъ правосудія въ Россіи, не затруднимъ судей нашихъ галлицизмомъ, и не покажемся жалкими иностранцамъ, что, безъ сомнѣнія, заслужимъ переводомъ Наполеонова Кодекса.

Прибавимъ одну мысль къ сказанному нами о Россійскомъ законодательствѣ. Государство наше состоитъ изъ разныхъ народовъ, имѣющихъ свои особенные Гражданскіе Уставы, какъ Ливонія, Курляндія, Польша, самая Малороссія. Должно ли необходимо ввести единство законовъ. Должно, если таковая перемѣна не будетъ существеннымъ, долговременнымъ бездѣйствіемъ для сихъ областей; въ противномъ случаѣ, не должно. Всего лучше готовить оную издали, средствами предварительными, безъ насилія и дѣйствуя на мягкій умъ юношества. Пусть молодые люди, хотящіе тамъ посвятить себя законовѣдѣнію, испытываются въ знаніи и общихъ законовъ Россійскихъ, особенно языка нашего; вотъ самое лучшее приготовленіе къ желаемому единству въ гражданскихъ Уставахъ! Впрочемъ надобно изслѣдовать

основательно, для чего напримѣръ Ливонія и Финляндія имѣютъ такой-то особенный законъ? Причина, родившая оный, существуетъ ли и согласна ли съ государственнымъ благомъ? Буде существуетъ и согласна, то можно ли замѣнить ея дѣйствія инымъ способомъ? Отъ новости не потерпятъ ли нравы, не ослабѣютъ ли связи между разными гражданскими состояніями той земли? „Какая нужда, говоритъ Монтескьё, однимъ ли законамъ слѣдуютъ граждане, если они вѣрно слѣдуютъ онымъ.“ Фридрихъ Великій, издавая общее уложеніе, не хотѣлъ уничтожить всѣхъ частныхъ статутовъ, полезныхъ въ особенности для нѣкоторыхъ провинцій. Опасайтесь внушенія умовъ легкихъ, которые думаютъ, что надобно только велѣть и все сравняется.

Мы означили главныя дѣйствія нынѣшняго Правительства и неудачу ихъ. Если прибавимъ къ сему частныя ошибки Министровъ въ мѣрахъ государственнаго блага, — постановленія о соли, о суконныхъ фабрикахъ, о прогонѣ скота, — имѣвшія столь много вредныхъ слѣдствій, — всеобщее безстрашіе, основанное на мнѣніи о кротости Государя, равнодушіе мѣстныхъ начальниковъ ко всякимъ злоупотребленіямъ, грабежъ въ судахъ, наглое взятко-брательство Капитанъ-

Исправниковъ, Предсѣдателей Палатскихъ, Вице-Губернаторовъ, а всего болѣе самихъ Губернаторовъ; наконецъ безпокойные виды будущаго, внѣшнія опасности, — то удивительно ли, что общее мнѣніе столь не благопріятствуетъ Правительству! Не будемъ скрывать зла, не будемъ обманывать себя и Государя, не будемъ твердить, что люди обыкновенно любятъ жаловаться и всегда недовольны настоящимъ, но сіи жалобы разительны ихъ согласіемъ и дѣйствіемъ на расположеніе умовъ въ цѣломъ Государствѣ.

Я совсѣмъ не меланхоликъ и не думаю подобно тѣмъ, которые, видя слабость Правительства, ждутъ скораго разрушенія; нѣтъ, Государства живущи и въ особенности Россія, движимая самодержавною властію. Если не придутъ къ намъ бѣды изъ внѣ, то еще смѣло можемъ и долгое время заблуждаться въ нашей внутренней государственной системѣ; вижу еще обширное поле для всякихъ новыхъ твореній самолюбиваго, неопытнаго ума, но не печальна ли сія возможность? Надобно ли изнурять силы для того, что ихъ еще довольно въ запасѣ? Самымъ худымъ медикамъ не легко уморить человѣка крѣпкаго сложенія, только всякое лекарство, данное не кстати, дѣлаетъ вредъ существенный и сокращаетъ жизнь.

Мы говорили о вредѣ, говорить ли о средствахъ цѣлебныхъ? и какія можемъ предложить? — самыя простѣйшія.

Минувшаго не возвратишь. Было время (о семъ мы сказали въ началѣ) когда Александръ могъ бы легко возобновить систему Екатеринина царствованія, еще живаго въ памяти и въ сердцахъ по ней образованныхъ: бурное царствованіе Павлово изгладилось бы, какъ сновидѣніе, въ мысляхъ. Теперь поздно: люди и вещи большею частію перемѣнились; сдѣлано столько новаго, что и старое показалось бы намъ новостію нынѣ опасною: мы уже отъ него отвыкли и для славы Государя вредно съ торжественностію признаться въ 10ти лѣтнихъ заблужденіяхъ, произведенныхъ самолюбіемъ его весьма неблагомысленныхъ совѣтниковъ, которые захотѣли своею творческою мудростію затмить жену Екатерину и превзойти мужа Петра. Дѣло сдѣлано: надобно искать средствъ пригоднѣйшихъ къ настоящему.

Главная ошибка законодателей сего царствованія состоитъ въ излишнемъ уваженіи формъ государственной дѣятельности: отъ того изобрѣтеніе разныхъ Министерствъ, учрежденіе Совѣта и проч. Дѣла не лучше производятся, только въ мѣстахъ и чиновниками другаго названія. Послѣдуемъ

иному правилу и скажемъ, что не формы, а люди важны. Пусть Министерства и Совѣтъ существуютъ: они будутъ полезны, если въ Министерствѣ и Совѣтѣ увидимъ только мужей знаменитыхъ разумомъ и честію. И такъ первое наше доброе желаніе есть, да способствуетъ Богъ Александру въ счастливомъ избраніи людей! Такое избраніе, а не учрежденіе Сената съ Коллегіями ознаменовало величіемъ царствованіе Петра во внутреннихъ дѣлахъ Имперіи. Сей Монархъ имѣлъ страсть къ способнымъ людямъ, искалъ ихъ въ кельяхъ монастырскихъ и въ темныхъ каютахъ: тамъ нашелъ Ѳеофана и Остермана, славныхъ въ нашей Государственной Исторіи. Обстоятельства иныя и скромныя, тихія свойства души отличаютъ Александра отъ Петра, который вездѣ былъ самъ, со всѣми говорилъ, всѣхъ слушалъ и бралъ на себя по одному слову, по одному взору рѣшить достоинство человѣка; но да будетъ то же правило: искать людей! Кто имѣетъ довѣренность Государя, да замѣчаетъ ихъ вдали для самыхъ первыхъ мѣстъ. Не только въ республикахъ, но и въ монархіяхъ кандидаты должны быть назначены единственно по способностямъ. Всемогущая рука единовластителя — одного ведетъ, другаго мчитъ на высоту, медленная постепенность есть

законъ для множества, а не для всѣхъ. Кто имѣетъ умъ Министра, не долженъ посѣдѣть въ Столоначальникахъ или Секретаряхъ. Чины унижаются не скорымъ ихъ пріобрѣтеніемъ, но глупостію или безчестіемъ сановниковъ, возбуждается зависть, но скоро умолкаетъ предъ лицомъ достойнаго. Вы не образуете полезнаго Министерства сочиненіемъ Наказа; тогда образуете, когда приготовите хорошихъ Министровъ. Совѣтъ разсматриваетъ ихъ предложеніе, но увѣрены ли вы въ мудрости ихъ членовъ? Общая мудрость раждается только отъ частной. Однимъ словомъ теперь всего нужнѣе люди!

Но люди не только для Министерства или Сената, но и въ особенности для мѣстъ Губернаторскихъ: Россія состоитъ не изъ Петербурга и не изъ Москвы, а изъ 50 или болѣе частей, называемыхъ Губерніями; если тамъ пойдутъ дѣла какъ должно, то Министры и Совѣтъ могутъ отдыхать на лаврахъ, а дѣла пойдутъ въ Россіи какъ должно, если вы найдете въ Россіи 50 ученыхъ мужей, добросовѣстныхъ, которые ревностно станутъ блюсти ввѣренное каждому изъ нихъ благо полумилліона Россіянъ, обуздаютъ хищное корыстолюбіе нижнихъ чиновниковъ и господъ жестокихъ, возстановятъ правосудіе, успокоятъ земле-

дѣльцовъ, ободрятъ купечество и промышленность, сохранятъ пользу казны и народа. Если Губернаторы не умѣютъ, или не хотятъ дѣлать того, — виною худое избраніе лицъ, если не имѣютъ способа, — виною худое образованіе Губернскихъ властей. 1) Каковы нынѣ большею частію Губернаторы? Люди безъ способностей и даютъ всякою неправдою наживаться Секретарямъ своимъ, или безъ совѣсти и сами наживаются. Не выѣзжая изъ Москвы, мы знаемъ, что въ такой-то Губерніи Начальникъ глупецъ и весьма давно! въ такой-то грабитель и весьма давно! Слухомъ земля полнится, а Министры не знаютъ того, или знать не хотятъ. Къ чему же служатъ ваши новыя Министерскія образованія? Къ чему писать законы, развѣ для потомства? Не бумаги, а люди правятъ. 2) Прежде Начальникъ Губерніи зналъ надъ собою одинъ Сенатъ; теперь, кромѣ Сената, долженъ относиться къ разнымъ Министрамъ, сколько хлопотъ и письма! А всего хуже то, что многія части въ составѣ Губерніи не принадлежатъ къ его вѣдомству: школы, удѣльныя имѣнія, казенныя лѣса, дороги, воды, почта — сколько пестроты и многочисленности! Выходитъ, что Губернія имѣетъ не Начальника, а Начальниковъ, изъ коихъ одинъ въ Петербургѣ, другіе

въ Москвѣ; система правленія весьма не согласная съ нашею стариною, истинно Монархическою, которая соединяла власти въ Начальникѣ для единства и силы въ ихъ дѣйствіяхъ. Всякая Губернія есть Россія въ маломъ видѣ; мы хотимъ, что бы Государство управлялось единою, а каждая изъ частей онаго разными властями. Страшимся злоупотребленій въ общей власти. Но частная развѣ не имѣетъ ихъ? Какъ въ большомъ домѣ не можетъ быть исправности безъ домоправителя, дающаго во всемъ отчетъ господину, такъ не будетъ совершеннаго порядка и въ Губерніяхъ, пока столь многіе чиновники дѣйствуютъ независимо отъ Губернаторовъ, отвѣтствующихъ Государю за спокойствіе Государя, какъ за спокойствіе, и гораздо болѣе, всѣхъ живущихъ въ Петербургѣ Министровъ, Членовъ Совѣта, Сенаторовъ: одна сія мысль не убѣждаетъ ли въ необходимости возвысить санъ Губернаторскій всеобщимъ уваженіемъ? Да будетъ Губернаторъ, что были Намѣстники при Екатеринѣ; дайте имъ достоинство Сенаторовъ, согласите оное съ отношеніями ихъ къ Министрамъ, которые въ самомъ дѣлѣ долженствуютъ быть единственно Секретарями Государя по разнымъ частямъ, и тогда умѣйте только избирать людей.

Вотъ главное правило. Второе, не менѣе существенное, есть: умѣйте обходиться съ людьми! Мало ангеловъ на свѣтѣ, не такъ много и злодѣевъ, гораздо болѣе смѣси., т. е. добрыхъ и худыхъ вмѣстѣ. Мудрое правленіе находитъ способъ усиливать въ чиновникахъ побужденіе добра или обуздывать стремленіе ко злу. Для перваго есть награды, для втораго боязнь наказаній. Кто знаетъ человѣческое сердце, составъ и движеніе гражданскихъ обществъ, тотъ не усумнится въ истинѣ сказаннаго Макіавелемъ, что страхъ гораздо дѣйствительнѣе, гораздо обыкновеннѣе всѣхъ иныхъ побужденій для смертныхъ. Если вы, путешествуя, увидите землю, гдѣ все тихо и стройно, народъ доволенъ, слабый не утѣсненъ, невинный безопасенъ, то скажите смѣло, что въ ней преступленія не остаются безъ наказанія. Сколько агнцевъ обратилось бы въ тигровъ, если бы не было страха! любить добро для его собственныхъ прелестей есть дѣйствіе высшей нравственности, явленія рѣдкаго въ мірѣ: иначе не посвѣщали бы алтарей добродѣтели. Обыкновенные же люди соблюдаютъ правила честности, не столько въ надеждѣ пріобрѣсти тѣмъ особенныя нѣкоторыя выгоды, сколько опасаясь вреда, сопряженнаго съ явнымъ нарушеніемъ сихъ правилъ. Одно изъ важнѣйшихъ государ-

ственныхъ золъ нашего времени есть безстрашіе. Вездѣ грабятъ и кто наказанъ? Ждутъ доносовъ, улики, посылаютъ Сенаторовъ для изслѣдованія и ничего не находятъ. Доносятъ плуты, честные терпятъ и молчатъ, ибо любятъ покой. Не такъ легко уличить искуснаго вора-судью, особенно съ нашимъ закономъ, по коему взяткобратель и взяткодатель равно наказываются. Указываютъ пальцемъ на грабителей и даютъ имъ чины, ленты, въ ожиданіи, что бы кто изъ нихъ подалъ жалобу; а сіи недостойные чиновники въ надеждѣ на своихъ, подобныхъ имъ защитниковъ въ Петербургѣ, беззаконствуютъ, смѣло презирая стыдъ и доброе имя, коего они условно лишились; въ два или три года наживаютъ по нѣскольку сотъ тысячь, и не имѣвъ прежде ничего, покупаютъ деревни! Иногда видимъ, что Государь, вопреки своей кротости, бываетъ расположенъ и къ строгимъ мѣрамъ: онъ выгналъ изъ службы двухъ или трехъ Сенаторовъ и нѣсколько другихъ чиновниковъ, оглашенныхъ мздоимцами; но сіи малочисленные примѣры отвѣтствуютъ ли безчисленности нынѣшнихъ мздоимцевъ? Негодяй такъ разсуждаетъ: „братъ мой N. N. наказанъ отставкою; но собратья мои такіе-то процвѣтаютъ въ благоденствіи, одинъ многимъ не указъ, а если

меня и выгонятъ изъ службы, то съ богатымъ запасомъ на черный день еще не мало утѣшеній въ жизни.“ Строгость безъ сомнѣнія непріятна для сердца чувствительнаго, но гдѣ она необходима для порядка, тамъ кротость не у мѣста. Какъ живописцы изображаютъ Монарха? Воиномъ и съ мечемъ въ рукѣ; не пастушкомъ и не съ цвѣтами. Въ Россіи не будетъ правосудія, если Государь, поручивъ оное судилищамъ, не будетъ смотрѣть за судьями. У насъ не Англія; мы столько вѣковъ видѣли судью въ Монархѣ и добрую волю его признавали вышнимъ Уставомъ. Сирены могутъ пѣть вокругъ трона: „Александръ, воцари законъ въ Россіи“ и проч. Я возмусь быть толкователемъ сего хора: „Александръ! дай намъ именемъ закона господствовать надъ Россіею, а самъ покойся на тронѣ, изливай единственно милости, давай намъ чины, ленты, деньги.“ Въ Россіи Государь есть живой законъ: добрыхъ милуетъ, злыхъ казнитъ, и любовь первыхъ пріобрѣтается страхомъ послѣднихъ. Не боятся Государя, не боятся и закона. Въ Монархѣ Россійскомъ соединяются всѣ власти: наше Правленіе есть отеческое, патріархальное. Отецъ семейства судитъ и наказываетъ безъ протокола, такъ и Монархъ въ иныхъ случаяхъ долженъ

необходимо дѣйствовать по единой власти. Чего Александръ не свѣдуетъ, если захочетъ вѣдать? и да накажетъ преступника! да накажетъ и тѣхъ, которые возводятъ преступника на степень знаменитую! Да отвѣтствуетъ Министръ по крайней мѣрѣ за избраніе главныхъ чиновниковъ: спасительный страхъ долженъ имѣть вѣтви; гдѣ десять смотрятъ за однимъ, начинайте всегда съ головы: если худы Капитанъ-Исправники, виновны Губернаторы, виновны Министры. Не сему правилу слѣдовали тѣ, которые дали Государю совѣтъ обезчестить снятіемъ мундира всѣхъ Коммисаріатскихъ и Провіантскихъ чиновниковъ, кромѣ Начальниковъ. Равныя не могутъ отвѣтствовать другъ за друга, если они всѣ причиною бѣдствій арміи, то мало лишить ихъ мундира; если еще не доказаны виноватые, то надобно подождать, а казнь виновнаго вмѣстѣ съ правымъ отнимаетъ стыдъ у казни. Малѣйшее наказаніе, но безполезное, ближе къ тиранству нежели самое жестокое, коего основаніемъ есть справедливоеть, а цѣлію — общее добро. Ненавидятъ тирана, но мягкосердіе тогда есть добродѣтель въ вѣнценосцѣ, когда онъ умѣетъ превозмогать оное долгомъ благоразумной строгости. Единственно въ своихъ личныхъ, тайныхъ оскорбленіяхъ Государь можетъ прощать досто-

хвально, а не въ общественныхъ; когда же вредно часто прощать, то еще вреднѣе терпѣть; въ первомъ случаѣ винятъ слабость, во второмъ безпечность, или непроницаніе. Мы упомянули о личныхъ оскорбленіяхъ для Монарха: они рѣдко бываютъ безъ связи съ вредомъ государственнымъ. Такъ напр. не должно позволять, что бы кто нибудь въ Россіи смѣлъ торжественно представлять лице недовольнаго, или не уважать Монарха, коего священная особа есть образъ Отечества. Дайте волю людямъ, они засыплютъ васъ пылью. Скажите имъ слово на ухо, они лежатъ у ногъ вашихъ.

Говоривъ о необходимости страха для удержанія насъ отъ зла, скажемъ нѣчто о наградахъ: онѣ благодѣтельны своею умѣренностію; въ противномъ же случаѣ дѣлаются безполезны или вредны. Я вижу всѣхъ Генераловъ, осыпанныхъ звѣздами и спрашиваю: сколько побѣдъ мы одержали? сколько Царствъ завоевали? Нынѣ даютъ голубую ленту, завтра лишаютъ начальства. Сей, нѣкогда лестный крестъ Св. Георгія виситъ на знаменитомъ ли витязѣ? Нѣтъ, на малодушномъ и презрѣнномъ въ цѣлой арміи. Кого же украситъ теперь Св. Георгій? Если въ царствованіе Павла чины и ленты упали въ достоинствѣ, то въ Александрово, по крайней мѣрѣ, не возвысились: чего

слѣдствіемъ было и есть — требовать иныхъ наградъ отъ Государя, денежныхъ ко вреду казны и народа, ко вреду самыхъ государственныхъ добродѣтелей. О бережливости мы говорили въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь напомнимъ двѣ аксіомы: 1) за деньги не дѣлается ничего великаго; 2) изобиліе располагаетъ человѣка къ праздной нѣгѣ, противной всему великому. Россія никогда не славилась богатствомъ, у насъ служили по должности изъ чести, изъ куска хлѣба, неболѣе. Нынѣ не только воинскіе, но и гражданскіе чиновники хотятъ жить большимъ домомъ на счетъ Государства. И какая пестрота? Люди въ одномъ чинѣ имѣютъ столь различныя жалованья, что одному нечего ѣсть, а другой можетъ давать лакомые обѣды; ибо первый служитъ по старымъ, а второй по новымъ штатамъ; первый въ Сенатѣ, въ Губерніи, а второй у Министра въ Канцеляріи, или гдѣ нибудь въ новомъ мѣстѣ. Не думаютъ о бѣдныхъ офицерахъ, удовлетворяя корыстолюбію Генераловъ арендами и пенсіями. Ставятъ въ примѣръ Французовъ; для чего же не Русскихъ времени Петрова или Екатеринина? Но и Французскіе Генералы всего болѣе недовольны Наполеономъ за то, что онъ, давъ имъ богатство, отнимаетъ у нихъ досугъ и способъ наслаждаться онымъ. Честь,

честь должна быть главною наградою. Римляне съ дубовыми вѣнками завоевали міръ. Люди въ главныхъ свойствахъ не измѣнились: соедините съ какимъ нибудь знакомъ понятіе о превосходной добродѣтели, т. е. награждайте имъ людей единственно превосходныхъ и вы увидите, что всѣ будутъ желать онаго, не смотря на его ничтожную денежную цѣну. Слава Богу, мы еще имѣемъ честолюбіе, еще слезы катятся изъ глазъ нашихъ при мысли о бѣдствіяхъ Россіи; въ самомъ множествѣ недовольныхъ, въ самыхъ нескромныхъ жалобахъ на Правительство вы слышите нерѣдко голосъ благодарной любви къ Отечеству. Есть люди, умѣйте только обуздывать ихъ въ злѣ и поощрять къ добру благоразумною системою наказаній и награды, — но повторимъ — первое еще важнѣе.

Сіе искуство избирать людей и обходиться съ ними есть первое для Государя Россійскаго; безъ сего искуства тщетно будете искать народнаго блага въ новыхъ органическихъ уставахъ! не спрашивайте какъ писаны законы въ Государствѣ, сколько Министровъ, есть ли Верховный Совѣтъ, но спрашивайте: каковы Судьи, каковы Властители? Фразы для газетъ только правила для Государства.

Въ дополненіе сказаннаго нами прибавимъ нѣкоторыя особенныя замѣчанія.

Самодержавіе есть палладіумъ Россіи, цѣлость ея необходима для ея счастія, изъ сего не слѣдуетъ, чтобы Государь, единственный источникъ власти, имѣлъ причины унижать дворянство, столь же древнее какъ и Россія. Оно было всегда не что иное, какъ братство знаменитыхъ слугъ Великокняжескихъ или Царскихъ. Худо, ежели слуги овладѣютъ слабымъ господиномъ, но благоразумный господинъ уважаетъ отборныхъ слугъ своихъ и красится ихъ честію. Право благородныхъ есть не отдѣлъ Монаршей власти, но онъ главное, необходимое орудіе, двигающее составъ государственный. Монтескьё сказалъ: point de Monarchie, point de noblesse, point de noblesse, point de Monarque. Дворянство есть наслѣдственное; порядокъ требуетъ, чтобы нѣкоторые люди воспитывались для отправленія нѣкоторыхъ должностей и чтобы Монархъ зналъ, гдѣ ему искать дѣятельныхъ слугъ для отечественной пользы. Народъ работаетъ, купцы торгуютъ, дворяне служатъ, награждаемые отличіями и выгодами, уваженіемъ и достаткомъ. Личные подвижные чины не могутъ замѣнить дворянства родоваго, постояннаго, и хотя необходимы для обозначенія степеней го-

сударственной службы, однакожъ въ благополучной Монархіи не должны ослаблять коренныхъ правъ его, не должны имѣть выгодъ онаго. Надлежало бы не дворянству быть по чинамъ, но чинамъ по дворянству, т. е. для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ чиновъ надлежало бы необходимо требовать благородства, чего у насъ со временъ Петра Великаго не соблюдается; офицеръ есть уже дворянинъ. Не должно для превосходныхъ дарованій, возможныхъ во всякомъ состояніи, заграждать пути къ высокимъ степенямъ; но пусть Государь даетъ дворянство прежде чина и съ нѣкоторыми торжественными обрядами, вообще рѣдко и съ выборомъ строгимъ. Польза ощутительна: 1) Если часто будете выводить простолюдиновъ въ Министры, въ вельможи, въ Генералы, то съ знатностію приведется давать имъ и богатство, необходимое для ихъ сіянія, казна истощается. Напротивъ того, дворяне, имѣя наслѣдственный достатокъ, могутъ и въ высшихъ чинахъ обойтись безъ казенныхъ денежныхъ пособій. 2) Оскорбляется дворянство, представляя ему людей низкаго происхожденія на ступеняхъ трона, гдѣ вы издревлѣ обыкли видѣть Бояръ сановитыхъ. Ни слова, буде сіи люди ознаменовали себя способностями рѣдкими, выспренними, но буде они весьма

обыкновенные, то лучше если бы сіи высшія мѣста занимались дворянами. 3) Природа даетъ умъ и сердце, но воспитаніе образуетъ ихъ. Дворянинъ, облагодѣтельствованный судьбою, навыкаетъ отъ самой колыбели уважать себя, любить отечество и Государя, за выгоды своего рожденія, плѣняется знатностію, удѣломъ его предковъ и наградою личныхъ будущихъ заслугъ его, сей образъ мыслей и чувствованій даетъ ему то благородство, которое сверхъ иныхъ намѣреній было цѣлію при учрежденіи наслѣдственнаго дворянства; преимущество важное, рѣдко замѣняемое естественными дарами простолюдина, который въ самой знатности боится презрѣнія, обыкновенно не любитъ дворянъ и мыслитъ личною надмѣнностію изгладить изъ памяти людей своое низкое происхожденіе. Добродѣтель рѣдка. Ищите въ свѣтѣ болѣе обыкновенныхъ, нежели превосходныхъ душъ. Мнѣніе не мое, но глубокомысленныхъ политиковъ есть, что твердо основанныя права благородства въ Монархіи служатъ ей опорою. И такъ желаю, чтобы Александръ имѣлъ правиломъ возвышать санъ дворянства, коего блескъ можно назвать отливомъ Царскаго сіянія, возвышать не только государственными хартіями, но и сими, такъ сказать, невинными, легкими знаками вліянія, столь дѣйстви-

тельными въ Самодержавіи: напр. для чего Императору не являться иногда въ торжественныхъ собраніяхъ дворянства въ видѣ его Главы, и не въ мундирѣ офицера Гвардейскаго, а въ дворянскомъ. Сіе бы произвело гораздо болѣе дѣйствія, нежели письмо краснорѣчивое и словесныя увѣренія въ Монаршемъ вниманіи къ обществу благородныхъ; но ничѣмъ Александръ не возвысилъ бы онаго столь ощутительно, какъ закономъ принимать всякаго дворянина въ воинскую службу офицеромъ, требуя единственно, что бы онъ зналъ начала математики и Русскій языкъ съ правильностію; давайте жалованье только комплектнымъ, всѣ благородные, согласно съ пользою Монархіи, основанной на завоеваніяхъ, возьмутъ тогда шпагу въ руки вмѣсто пера, коимъ нынѣ безъ сомнѣнія, ко вреду Государственному и богатые и небогатые дворяне вооружаютъ дѣтей своихъ въ Канцеляріяхъ, въ Архивахъ, въ Судахъ, имѣя отвращеніе отъ солдатскихъ казармъ, гдѣ сіи юноши, дѣля съ рядовыми воинами и низкіе труды и низкія забавы, могли бы потерпѣть и въ здоровьи и въ нравственности. Въ самомъ дѣлѣ чего нужнаго для службы нельзя узнать офицерамъ? Учиться же для дворянина въ семъ чинѣ, гораздо пріятнѣе нежели въ унтеръ-офицерскомъ. Арміи

наши обогатились бы молодыми, хорошо воспитанными дворянами, тоскующими нынѣ въ повытьяхъ. Гвардія осталась бы исключеніемъ, единственно въ ней начинали бы мы служить съ унтеръ-офицеровъ; но и въ Гвардіи надлежало бы отличать сержанта благороднаго отъ сына солдатскаго. Можно и должно смягчать суровость воинской службы тамъ, гдѣ суровость не есть способъ побѣды. Строгость въ бездѣлицахъ уменьшаетъ охоту къ дѣлу. Занимайте, но не утомляйте воиновъ игрушками, или вахтъ-парадами. Дѣйствуйте на душу еще болѣе, нежели на тѣло? Герои вахтъ-парадовъ оказываются трусами на полѣ битвы, сколько знаемъ примѣровъ! Офицеры Екатерина вѣка ходили иногда во фракахъ, но ходили смѣло и на приступы. Французы не педантствуютъ и побѣждаютъ: мы видѣли Прусскихъ героевъ.

Какъ дворянство, такъ и духовенство бываетъ полезно государству по мѣрѣ общаго къ нимъ народнаго уваженія. Не предлагаю возстановить Патріаршество, но желаю, что бы Синодъ имѣлъ болѣе важности въ составѣ его и въ дѣйствіяхъ; чтобы въ немъ засѣдали напр. одни Архіепископы, чтобы онъ, въ случаѣ новыхъ коренныхъ государственныхъ постановленій, сходился вмѣстѣ съ Сенатомъ для выслушанія, для при-

нятія оныхъ въ свое хранилище законовъ и для обнародованія, разумѣется безъ всякаго противорѣчія. Нынѣ стараются о размноженіи духовныхъ училищъ, но будетъ еще похвальнѣе законъ, чтобы 18 лѣтнихъ учениковъ не ставить въ священники и никого безъ строгаго испытанія; законъ, чтобы Іереи болѣе пеклись о нравственности прихожанъ, употребляя на то данныя имъ отъ Синода благоразумныя, дѣйствительныя средства, о коихъ мыслилъ и Государь Петръ Великій. По характеру сихъ важныхъ духовныхъ сановниковъ можете всегда судить о нравственномъ состояніи народа. Недовольно дать Россіи хорошихъ Губернаторовъ, надобно дать и хорошихъ Священниковъ; безъ прочаго обойдемся и не будемъ никому завидовать въ Европѣ.

Дворянство и духовенство, Сенатъ и Синодъ, какъ хранилище законовъ, надъ всѣми Государь, единственный законодатель, единовластный источникъ властей. Вотъ основаніе Россійской Монархіи, которое можетъ быть утверждено или ослаблено правилами царствующихъ.

Державы, подобно людямъ, имѣютъ опредѣленный вѣкъ свой: такъ мыслитъ Философія, такъ вѣщаетъ Исторія. Благоразумная система въ жизни продолжаетъ вѣкъ человѣка, благоразумная

система государственная, продолжаетъ вѣкъ Государствъ; кто исчислитъ грядущія лѣта Россіи! слышу пророковъ близкоконечнаго бѣдствія, но благодаря Всевышняго, сердце мое имъ не вѣритъ; вижу опасность. но еще не вижу погибели.

Еще Россія имѣетъ 40/м жителей и самодержавіе имѣетъ Государя ревностнаго къ общему благу. Если, онъ какъ человѣкъ, ошибается, то безъ сомнѣнія съ добрымъ намѣреніемъ, которое служитъ намъ вѣроятностію будущаго исправленія ошибокъ.

Если Александръ вообще будетъ осторожнѣе въ новыхъ государственныхъ твореніяхъ, стараясь всего болѣе утвердить существующія и думая болѣе о людяхъ, нежели о формахъ, ежели благоразумною строгостію обратитъ вельможъ, чиновниковъ къ ревностному исполненію должностей; если заключитъ миръ съ Турціею и спасетъ Россію отъ третьей весьма опасной войны съ Наполеономъ, хотя бы и съ утратою многихъ выгодъ, такъ называемой чести, которая есть только роскошь сильныхъ Государствъ и не равняется съ первымъ ихъ благомъ, или съ цѣлостію бытія, если онъ, не умножая денегъ бумажныхъ, мудрою бережливостію уменьшитъ расходы казны и найдетъ способъ прибавить жалованья бѣднымъ чи-

новникамъ воинскимъ и гражданскимъ; если таможенные Уставы, вѣрно наблюдаемые, приведутъ въ соразмѣрность ввозъ и вывозъ товаровъ; если — что въ семъ предположеніи будетъ необходимо — дороговизна мало по малу уменьшится, то Россія благословитъ Александра, колебанія утихнутъ, неудовольствія исчезнутъ; родятся нужныя для Государства привычки, ходъ вещей сдѣлается правильнымъ, постояннымъ; новое и старое сольются въ одно; рѣже будутъ вспоминать прошедшее; злословіе не не умолкнетъ, но лишится жала. Судьба Европы теперь не отъ насъ зависитъ. Переменитъ ли Францію, — не извѣстно, но бури вѣчны. Когда же увидимъ ясное небо надъ Европою, и Александра, сидящаго тронѣ цѣлой Россіи, тогда восхвалимъ Александрово счастіе, коего онъ достоинъ своею рѣдкою добротою.

Любя Отечество, любя Монарха, я говорилъ искренно. Возвращаюсь къ безмолвію вѣрноподданнаго съ сердцемъ чистымъ, моля Всевышняго, да соблюдетъ Царя и Царство Россійское!

ПИСЬМО

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА

КЪ

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I^му

ПОСЛѢ РАЗГОВОРА СЪ НИМЪ О ПОЛЬШѢ
ВЪ 1819 ГОДУ.

Государь! Въ волненіи души моей, любящей Отечество и Васъ, спѣшу послѣ нашего разговора излить на бумагу нѣкоторыя мысли, не думая ни о краснорѣчіи, ни о строгомъ логическомъ порядкѣ. Какъ мы говоримъ съ Богомъ и совѣстію, хочу говорить съ Вами.

Вы думаете возстановить Польшу въ ея цѣлости, дѣйствуя какъ Христіанинъ, благотворя врагамъ. Государь! Вѣра Христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ, есть внутреннее, неизглаголанное, небесное чувство: она выше земли и міра, выше всѣхъ законовъ физическихъ, гражданскихъ, Государственныхъ; но ихъ не отмѣняетъ. Солнце течетъ и по нынѣ по тѣмъ же законамъ, по какимъ текло до явленія Христа Спасителя; такъ и гражданскія общества не перемѣнили своихъ гражданскихъ уставовъ; все осталось какъ было на землѣ и какъ иначе быть не можетъ; только возвысилась душа въ сокровенностяхъ, утвердилась въ невидимыхъ свя-

зяхъ съ Божествомъ — своимъ вѣчнымъ, истиннымъ отечествомъ, которое внѣ матеріи, внѣ пространства и времени; но дѣйствуемъ на землѣ, какъ и прежде дѣйствовали.

„Нѣсть отъ міра сего," сказалъ Христосъ; а граждане и Государство въ семъ мірѣ. Христосъ велитъ любить и враговъ: любовь есть чувство; но онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ, не запретилъ воинамъ оборонять Государство. Вы — Христіанинъ, но Вы истребили полки Наполеоновы въ Россіи, какъ Греки - язычники истребили Персовъ на берегахъ Эллады. Вы исполняли законъ Государственный, который не принадлежитъ къ религіи, но также данъ Богомъ, законъ естественной обороны, необходимый для всѣхъ земныхъ тварей и гражданскихъ обществъ. Какъ Христіанинъ, любите своихъ личныхъ враговъ. Но Богъ далъ Вамъ царство и вмѣстѣ съ нимъ обязанность исключительно заниматься благомъ онаго. Какъ человѣкъ, по чувствамъ души озаренной свѣтомъ Христіанства, Вы можете быть выше Марка-Аврелія, но какъ Царь, Вы то же, что онъ.

Евангеліе молчитъ о политикѣ: не даетъ новой, или мы, захотѣвъ быть Христіанами - политиками, впадемъ въ противорѣчіе и несообразности. Меня ударятъ въ ланиту: я, какъ Христіанинъ,

долженъ подставить другую. Непріятель сожжетъ нашъ городъ: впустимъ ли мирно въ другой, чтобы онъ также обратилъ его въ пепелъ? — Какъ могъ язычникъ Маркъ-Аврелій, такъ можетъ и Христіанинъ Александръ благотворить врагамъ Государственнымъ, уже побѣжденнымъ, слѣдуя закону человѣколюбія, извѣстнаго и добродѣтельнымъ язычникамъ; но единственно въ такомъ случаѣ, когда это благотвореніе не вредно для отечества. Любите людей, но еще болѣе любите Россіянъ, ибо они и люди и Ваши подданные, — дѣти Вашего сердца. И Поляки теперь слушаются Александра: но Александръ взялъ ихъ Русскою силою, а Россіянъ далъ ему Богъ, и съ ними снискалъ Онъ благодѣтельную славу освободителя Европы.

Вы думаете возстановить древнее Королевство Польское, но это возстановленіе согласно ли съ закономъ Государственнаго блага въ Россіи? Согласно ли съ Вашими священными обязанностями, съ Вашею любовію къ Россіи и къ самой справедливости? Во первыхъ: (неговоря о Пруссіи) Австрія отдастъ ли добровольно Галицію? можете ли Вы, творецъ священнаго союза, объявить войну, противную не только Христіанству, но и Государственной справедливости; ибо Вы сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ Австрій-

скимъ. Во вторыхъ: можете ли съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, — утвержденную собственность Россіи еще до Вашего царствованія. Не клянутся ли Государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Эти земли были уже за Россіею, когда Митрополитъ Платонъ вручилъ Вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра, Екатерины, которую Вы сами назвали Великою. Скажутъ ли, что Она беззаконно раздѣлила Польшу. Но Вы поступили бы еще беззаконнѣе, еслибъ вздумали загладить Ея несправедливости раздѣломъ самой Россіи, мы взяли Польшу мечемъ: вотъ наше право, которому всѣ Государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ Исторіи за свое дѣло; но оно сдѣлано, и для Васъ уже свято: для Васъ Польша есть законное Россійское владѣніе: старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ: иначе мы долженствовали бы возстановить Казанское и Астраханское Царства; Новгородскую республику, Великое Княжество Рязанское и т. д. Къ тому же и по старымъ крѣпостямъ Бѣлоруссія, Волынія, Подолія вмѣстѣ съ Галиціею были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если Вы отдадите ихъ, то у Васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, Смо-

ленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ.

Или все, или ничего. Доселѣ нашимъ Государственнымъ правиломъ было: ни пяди, ни врагу, ни другу. Наполеонъ могъ завоевать Россію, но Вы, хотя и Самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины русской, таковъ нашъ характеръ и духъ Государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими кого заблагоразсудите? Россія, Государь, безвольна передъ Вами. Но, если бы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани) и произвела нѣкогда историка достойнаго, искренняго, безпристрастнаго, то онъ, Государь осудилъ бы Ваше великодушіе, какъ вредное для Вашего истиннаго отечества, доброй, сильной Россіи. Этотъ историкъ сказалъ бы совсѣмъ не то, что могутъ говорить Вамъ теперь Поляки. Извиняемъ мы ихъ, но Васъ бы мы не извинили, если бы Вы, для ихъ рукоплесканія, ввергнули насъ въ отчаяніе, Государь, нынѣ славный, великій, любезный! Отвѣтствую Вамъ головою за это неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу Русскихъ, и знаю ихъ, мы лишились

бы нетолько прекрасныхъ областей, но и любви къ Царю; остыли бы душою къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола, ослабѣли бы не только уменьшеніемъ Государства, но и духомъ; унизились бы передъ другими и передъ собою. Не опустѣлъ бы конечно Дворецъ, Вы и тогда имѣли бы Генераловъ, Министровъ, но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы....., а, Вы, Государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу.

Однимъ словомъ.... и Господь Сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ эту минуту, если говорю вамъ не истину..... Однимъ словомъ: возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ кровію своею землю Польскую, и снова возьмутъ штурмомъ Прагу!

Нѣтъ, Государь! никогда не будутъ намъ Поляки ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны, слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презираютъ слабыхъ. Когда же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ опытомъ ея будетъ отступленіе отъ Россіи, конечно не въ Ваше Царствованіе... Но, Вы, Государь, смотрите далѣе

своего вѣка, и если не безсмертны тѣломъ, то безсмертны славою! Въ дѣлахъ Государственныхъ чувства и благодарность безмолвны; и независимость есть главный законъ Гражданскихъ обществъ. Литва, Волынія желаютъ Королевства Польскаго, но мы желаемъ единой Имперіи Россійской; чей голосъ долженъ быть слышнѣе для Вашего сердца? Они, въ случаѣ войны, впрочемъ ни мало невѣроятной (ибо кому теперь возставать на Россію), могутъ измѣнить намъ: тогда накажемъ измѣну силою и правомъ. Права всегда имѣютъ особенную силу, а бунтъ, какъ беззаконіе, отнимаетъ её. Поляки, закономъ утвержденные въ достоинствѣ особаго державнаго народа, для насъ опаснѣе Поляковъ-Россіянъ.

Государь, Богъ далъ Вамъ такую славу и такую державу, что Вамъ безъ благодарности, безъ грѣха Христіанскаго и безъ тщеславія, осуждаемаго самою человѣческою политикою, нельзя хотѣть ничего болѣе, кромѣ того, чтобы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи; — первый — безкорыстнымъ, великодушнымъ посредничествомъ; — второе хорошими законами и еще лучшею управою. Вы уже пріобрѣли имя Великаго, пріобрѣтите имя отца нашего! Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ Королевство

Польское, како оно есть нынѣ; но да существуетъ, да благоденствуетъ и Россія, какъ она есть и какъ оставлена Вамъ Екатериною.....

Екатерина любила Васъ нѣжно, любила и наше отечество; Ея тѣнь здѣсь — присутствуетъ; — умолкаю!

Карамзинъ.

Печатано въ типографіи Г. Петца въ Наумбургѣ.